АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ ВЫДАННЕ

БРЭСЦКІ РАЁННЫ ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ

АДДЗЕЛ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ РАЙВЫКАНКАМА

БРЭСЦКАЕ АДДЗЯЛЕННЕ САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ (ГРАМАДСКІ ФУНДАТАР)

БРЭСЦКАЯ РАЁННАЯ БІБЛІЯТЭЧНАЯ СЕЦЬ

Кантакты:

(+375 29) 20-161-02;
e-mail: kotlas@tut.by

Чытаць анлайн: http://brest-railib.by

16+

Падпісана да друку 18.03.2019.
Фармат 70х100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 99 экз. Ум. друк. арк. 8,10.
Друк цыфравы. Надрукавана ТДА «Артлайнсіці»,
г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал-макет падрыхтаваны
ТАА «Паліграфіка», зак. 34-2019.
Пасв. 2/2 ад 16.08.2013, пасв. 1/22 ад 16.08.2013,
вул. Кірава, 122-85, 224013, г. Брэст
тэл. (+375 162) 35-55-67, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі: Л.К. Плахов, картина «Кузница», 1845 год.

1-я і 4-я с. вокладкі: святочны рушнік

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 2 [26]•2019

У НУМАРЫ

Навеки жить победе в нашей памяти и сердцах!

Есть в истории любого края события, которые даже спустя десятилетия остаются в памяти народной, а время с каждым днем все сильнее подчеркивает их величие. В предпраздничную субботу д. Чернавчица, похорошевшая и принаряженная, встречала свой главный праздник — 74-ю годовщину со Дня Победы — «Память поколений». Митинг, посвященный этой дате, прошел в центре агрогородка.

Торжество предваряло праздничное шествие колонны участников мероприятия по главной сельской улице. Затем к монументу «Скорбящая мать» в центре деревни возложили венки от райисполкома и райсовета депутатов, от городов-побратимов района Влодавского повета Республики Польша, от ветеранов Великой Отечественной войны и молодежи, от районных организаций РОО «Белая Русь», ОО «БСВВА», профсоюза работников АПК, от Чернавчицкого сельисполкома и ОАО «Чернавчицы».

— Сегодня мы собрались накануне великого праздника — 74-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне, — обратился к участникам торжественного митинга глава района Владимир Сенчук. — Этот день бесконечно дорог сердцу каждого из нас. Проходят годы и десятилетия, рождаются и вырастают новые поколения, а светлый майский день 45-го навсегда останется яркой и незабываемой страницей в героической летописи нашего народа. За годы фашистской оккупации на территории района было уничтожено и погибло свыше 16 тысяч граждан. Местами массовых расстрелов стали деревни: Медно, Леплевка, Томашовка, Лыщицы, Страдечь. Одной из незаживающих ран на сердце жителей Прибужья остается Домачевская трагедия. Незабываемы мужество и стойкость освободителей района. Наш митинг проходит на братской могиле советских воинов и партизан, у монумента «Скорбящая мать», где покоится прах 507 воинов, партизан, мирных жителей, погибших в годы ВОВ. Среди похороненных — Герой Советского Союза, капитан гвардии Василий Иванович Загороднев. Вместе со своей ротой он участвовал при освобождении района. В бою они уничтожили 2 танка, 4 орудия, 70 автомашин врага, более 40 гитлеровцев. Когда закончились боеприпасы, раненый капитан со своими солдатами вступили в рукопашную атаку, в которой с честью и погибли.

Здесь похоронен заместитель начальника 6-й пограничной заставы по политической части младший политрук Леонид Максимович Шульгин, принявший бой у д. Шумаки 22 июня 1941–го. Когда у раненого политрука заканчивались патроны, он застрелил свою жену, 2-месячного сына, находившихся рядом, а потом и себя. На этом же месте покоится и прах защитника Брестской крепости, уроженца д. Чернавчицы Бориса Григорьевича Литвинюка. Бесчисленное множество подвигов, фамилий героев. Имена многих погибших до сих пор неизвестны. Всего же на территории района захоронено 1450 человек. Сегодня у нас проводится большая поисковая работа по уточнению фамилий погибших солдат Великой Отечественной войны. Помнить их имена и передать память поколений потомкам — наш священный долг и обязанность.

Небольшой экскурс в военную историю Прибужья сделал и военный комиссар города Бреста и района полковник Валерий Касянюк. Он рассказал, как сплачивалась наша страна, чтобы отразить атаку врага. Как проявляли мужество и героизм военный руководящий состав и простые солдаты, женщины и дети — все те, кто не побоялся стать на защиту Родины.

Со знаменательной датой в этот день поздравляли ветеранов, прибужцев и гостей праздника председатель райсовета депутатов Владимир Хватик, глава сельисполкома Александр Солоневич, выступил и малолетний узник войны Эдуард Зимовец.

С теплыми поздравлениями обратился к участникам митинга и настоятель римско-католического костела Святой Троицы ксендз Павел.

После торжественного митинга на открытой концертной площадке и в Доме культуры большую тематическую программу представили лучшие коллективы художественной самодеятельности района. После представления ветераны пообщались с артистами в военной форме, те в свою очередь поблагодарили солдат 40-х за Победу.

Наталья ТОЛКАЧЕВА
Фото Сергея ХМЕЛЯ

Гордость, скорбь и благодарность...

День Победы — один из самых любимых праздников у брестчан. Уже с самого утра на проспекте Машерова начали собираться участники торжественного шествия — ветераны Великой Отечественной войны, руководители области, города, Прибужья, представители предприятий и организаций, общественных объединений, школьники, студенты, жители и гости Бреста, многочисленные участники акции «Беларусь помнит!». Слившись в едином людском потоке, шествие двинулось к Брестской крепости-герою. 22 июня 1941 года она первой приняла удар немецко-фашистских захватчиков, и именно здесь был дан первый достойный отпор врагу — на этой священной земле начала коваться Великая Победа.

Торжества по традиции начались с возложения венков к Вечному огню и некрополю на площади Церемониалов. Среди участников были и представители Брестского района — председатель райисполкома Владимир Сенчук и председатель районного Совета депутатов Владимир Хватик. Тысячи людей, пришедших в крепость, почтили память погибших в годы Великой Отечественной войны минутой молчания. Затем состоялся митинг.

Как отметил в своем выступлении председатель облисполкома Анатолий Лис, День Победы — самый народный и дорогой праздник для белорусов, в котором воедино слились людские гордость, скорбь и память. Сегодня в области проживает около 770 ветеранов Великой Отечественной войны, и наш священный долг — окружить каждого из них любовью и заботой.

С великим народным праздником поздравил всех председатель областного совета ветеранов генерал-майор в отставке Валерий Губаренко. Он отметил, что этот год для нас особенный — 75 лет со дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, 80 лет образования Брестской области и 1000-летие родного Бреста. В постоянном поле зрения ветеранского актива находятся вопросы увековечения памятников защитников Отечества и жертв войны. В Брестской области более 900 воинских захоронений, более 730 памятников воинской славы. В совет ветеранов постоянно идут потоки писем с просьбой о помощи в розыске того или иного погибшего солдата, земляка или родственника. И всем стараются в этом им помочь. Ветераны благодарны поисковикам исторических клубов, студентам, школьникам — всем, кто помогает находить неизвестных героев.

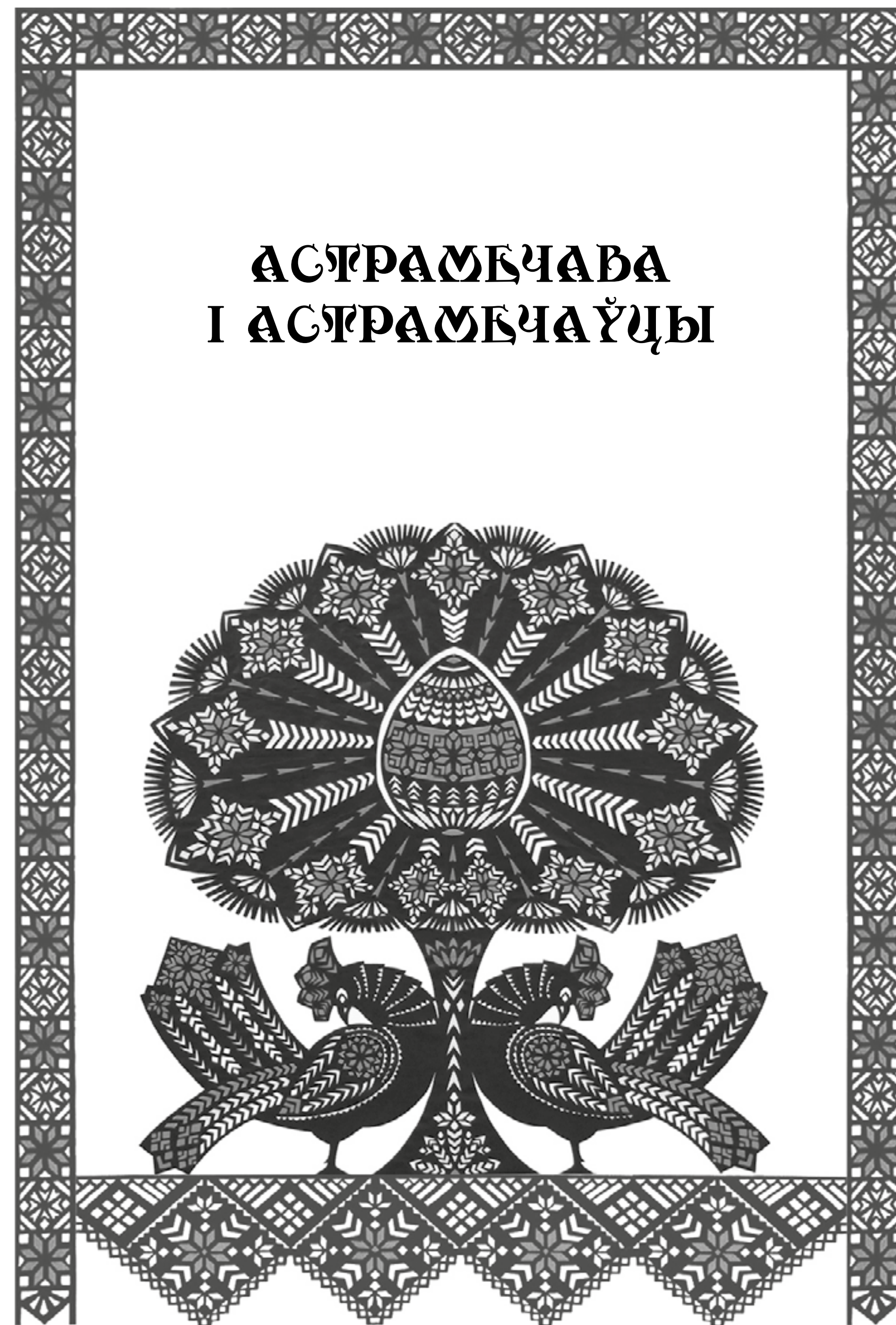
От лица молодого поколения поблагодарила ветеранов за Великую Победу, за мирное небо над головой, возможность жить и учиться в свободной стране ученица десятого класса ГУО «Гимназия №1 г. Бреста» Юлия Левина.

Завершился митинг торжественным маршем подразделений воинских частей Брестского гарнизона, силовых структур, пограничной службы, кадетских классов.

Пожалуй, самым трогательным моментом стало шествие участников акции «Беларусь помнит!». В этом году она сплотила еще больше людей. Под аплодисменты, громкое «Ура!» и звуки легендарной песни «День Победы» с портретами родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне, прошли их дети, внуки и правнуки.

Позже на площади Церемониалов состоялся праздничный концерт, посвященный Дню Победы, участников хорового фестиваля, выступление Брестского городского духового оркестра «Память сердца». У Северных ворот Брестской крепости прошел музыкальный марафон «Цветы Победы». Празднества по случаю Дня Победы продолжились в городе над Бугом — на площадях, улицах и в парке культуры и отдыха прошли массовые народные гулянья. А вечером на территории мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» прогремели залпы праздничного салюта.

Марина САМОСЕВИЧ
Фото автора

Победа!

9 мая

1941–1945

ОАО «ОСТРОМЕЧЕВО»

Сад дружбы в ОАО «Остромечево»

Сад дружбы во время республиканского субботника в ОАО «Остомечево» заложили Министр сельского хозяйства Беларуси Анатолий Хотько, Министр сельского хозяйства Таджикистана Изатулло Саттори, председатель облисполкома Анатолий Лис и председатель Брестского райиполкома Владимир Сенчук.

Мои снимки, мои скакуны!

Остромечевский председатель Алексей Степанович Скакун презентовал авторскую фотовыставку

Увлечение фотографией прославленный председатель СПК «Остромечево» пронес через всю жизнь. Начинал со «Смены», ФЭДа, «Зенита». И по сей день в машине лежат две цифровые камеры. Где только не приходилось их «расчехлять»! Даже в часы пик сельскохозяйственных работ. Оттого и негативы получались живыми, полными жизненной правды, сельской красоты и романтики.

Отработав 34 года руководителем хозяйства, Алексей Степанович наконец-то нашел время передохнуть, пересмотреть фото и оформить их для выставки. А тут как раз и инициатива от Брестской центральной городской библиотеки им. Пушкина — подключиться к проекту «Арт-пространство», в котором принимают участие фотографы и художники, другие мастера творческих профессий.

Скакун мечтал в юности стать журналистом и фотографом. «Так получилось», что вышел одним из самых известных аграриев своего времени. Его звания трудно перечесть: заслуженный работник сельского хозяйства РБ, избирался депутатом Верховного Совета БССР, членом Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Почетный гражданин Брестского района. Но мы-то знаем, как трепетно Алексей Степанович всегда относился и относится к печатному слову. Каждая публикация и фото для него — событие. Как настоящий творческий человек, он всегда сомневается — хорошо ли получилось? Хорошо, уважаемый Алексей Степанович!

Фотовыставка «Притяжение земли» открыта в Брестской центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина (бул. Шевченко, 3) с 3 по 31 мая.

Сергей МОЩИК
Фото автора

Аповед Валянціны ГАЎРЫЛАВАЙ і Улляны МІХНО з Вялікіх Радваніч пра Шчадруху, Пасху, вяселле і як ратавалі ад фашысцкіх катаў бежанку Франю

Запісала студэнтка І курса спецыяльнасці «Беларуская філалогія (літаратурна-рэдакцыйная дзейнасць)» Таццяна ДЫДЫШКА ў в. Вялікія Радванічы ад Валянціны Іванаўны ГАЎРЫЛАВАЙ (1951 г.н., бел., сярэдняе спецыяльнае, правасл., мясцовая); Улляны Сямёнаўны МІХНО (1925 г.н., бел., 4 класа, правасл., мясцовая)

— *А у вас приходили колядовать на колядки?*

— А вы знаете вот на Щедрый вечер на Щадруху, да вот приходили, да.

— *И они были переодетые?*

— Нет, это дети в основном бегали.

— *И какие песни пели? Может, знаете?*

— Ай, нет, я не помню. Ну вот не было таких народных ансамблей, коллективов каких-то, которые действительно во всех этих праздниках принимали бы участие. Стихийно как-то возникало. По инициативе собирались бабки, переоделись — и пошли шутить из дома к дому, вот так вот.

— *А вот на Пасху, например, у вас тоже здесь есть церковь, да?*

— Да, здесь церковь уже открыли. Да есть церковь, но я когда была в первом классе, была церковь, которую построили после войны, её сожгли.

— *А кто сжёг?*

— Ну, атеист какой-то. Такой человек, я считаю, что не умный, вообще то.

Освещали пасху, ездили в Брест на всеночную. У меня мама любила поехать на всеночную. Но атеизм сыграл, конечно, свою роль...

— *А вот когда несли яйца святить, то рушники в корзинку клали?*

— Да, ручники обязательно.

— *Самодельные или покупные?*

— Вышытые.

— *А какие узоры были? Может, помните.*

— Цветы.

— *Это вы сами вышивали или бабушка?*

— Бабушка.

— *А коронки на рушниках сами делали?*

— Да, да горунки. Это белорусское слово — горунки. Да, действительно.

— *Тоже красиво. А это чья свадьба (на снимке)?*

— Не знаю. Моя свадьба обыкновенно проходила.

— *А бабушка ничего не скажет?*

— Не-а, наверное, не-а. Задайте ей вопрос, может и сможет (смеётся). Вот, видите, она не ходит. 90 лет.

— Это мои внуки, дети, а это сестры дети (на снимке). Я хотела сказать вже у меня 5 внуков.

— *А можно сфотографировать?*

— Ай, да, свадьбу можете.

***

В.І. : — Когда началась война, сюда, в наше село, убежали жоны военных офицеров, кадровых. Да, да, убежали. И они здесь жили, но здесь же деревня оккупирована была немцами. Был там староста и всё такое, немецкая как бы такая власть была временная. Вот они жили по домам и вот в один прекрасный день их собрали в сарай вон там (показывает) за деревней вон там есть брацкая могила. Может быть, ваши студенты где-то тоже там об этом узнают. Вот и одну женщину там в домике (показывает) через дорогу маленький такой домик деревянный. Там живут дед и у нево, значит, тоже жила одна жена военного, их называли восточницы, Франя, она сама из Днепропетровска, как оказалось. Эээ... Их собирали в сарай, и он (сосед) взял збан мёда, у него был или свинью, шо-то такое, и одну единственную её (Франю) выпустили из сарая, остальных подожгли. То ли убили, подожгли, я вже, как говорится, не очевидец. И потом где-то в году 67-м, может быть, 65-м она (Франя) приезжала сюда с мужем. К этому деду, который одну единственную освободил, от казни спас. Вот такой был случай. А мой отец Иван Андреевич, он 19-го года рождения, ушёл на фронт, его призвали, ну, я не знаю, в каком году его призвали. С войсками они отступали, но сначала армия-то отступала да Одессы, и служил в зенитных войсках в Одессе, а Одессу ж тоже потом сдали, вот. И он укрылся, и тоже говорит, румыны там в Одессе ж работали на Гитлера, ну, союзники Гитлера были. Вот его спрятала одна женщина. Он потом пешком, на перекладных добрался сюда. Война шла, фронт, я не знаю, как он добрался. Немцы ж кругом.

— Добрался на товарняках где-то, где пешком, где по деревням. Как приходилось.

— Да. Приехал и в 43 году его опять демобилизовали. Он дошёл до Вислы, воевал. На Висле был ранен, потом ещё в Берлине. Война закончилась, но у него возраст был такой, шо он ещё должен был служить в армии.

— И вот он ещё в Берлине служил какое-то время, а потом приехал. Так это то, что я знаю о войне.

— *Спасибо.*

Запіс 2015 г.

Заўвага: *вытрымана асаблівасць мясцовай гаворкі*

Аповед Лідзіі МАРАЗЮК з в. Забалацце пра дзяцінства і прыкметы

Запісала студэнтка БрДУ імя А. С. Пушкіна Ірына ШАБЛІЦКАЯ у в. Забалацце Брэсцкага раёна ад Лідзіі Пятроўны МАРАЗЮК (1937 г.н. з в. Лазы Брэсцкага раёна)

— *Вы калі пачалі дапамагаць маці?*

— Я в шість літ скотыну пасла. А топіро в шэсть лет дытына леть дытына. Вот ему сем. А гэтой будэ шэсть девочке. Воны по годіку родылыся. Ты ж іх одправыш коровы пасты? А я пасла.

Пасла і старшэнька. Главнэ діло встаты с кроваті в такую пору. Шэ сонцэ нэ всходыть!

— А як Вы падымаліся раніцай без будзільніка?

— Ну як? Маты встае. Можэ і с півнямы. І півня нэ будуть слухаты. Бо будуть боятыся, шо просплю. І будэ дрыгаты, тыі очі открываты сто раз, як там в хаты розвыдняе. Да. І там шэ старшэнькы булы такые пастухы. Я з імі вместе вроде злучалась і пасла. І я вжэ так находжуся, шо додому вжэ тыі коровы ідуть, я за імі становлюсь далэко. А тая старшэнька: «Ну, доганяй, лэмахо ты, доганяй! Ходы доганяй». Мол, быжы бегом. Я вжэ так нэ могу ногы пэрэносыты. Ну, шість літ дытыны. І цілы дэнь. Ну так прысядэш дэ, прысядэш дэ. А шэ ш вны сядуть граты в камушкы якія-ныбудь. І всё: «Ліда, быжы. Ліда, быжы». То ж такыя булы загоны. Ну, в загоны то ны загонялысь. А дэ різка такая на два загона, на тры загона, дэ можна коровы. А то ж корова. Тутыка пастбішче, там шо-та ны посіяно, а тут ужэ посіяно. І вона ж хочэ з'істы тое, шо вона хочэ. І тако гоняють мэнэ. С шэсці лет пасла коровы. Сем лет пасла.

— А не палохаліcь каровы?

— Ну, корова вона подчыняецця. Кый у руках і как бы подчыняецця.

— Пад канец вайны паслі кароў?

— Да. Старшэнька ў мэнэ сыстра була на два года. Вона шэ і зара жывэнька. Далы матыры коня. Забралы коня харошево тыі мадяры, а для матэра покынуля якогось такого уконтужэного. Він ныць ны чюв. Во-первых, він не понімав нашево разговора, колы статы, тррр — то стань... Він того не понімав. Він вобшче кантужоны був. І то вжэ вона ёго за морду водыла. Мні було шість, а юй було восім літ. А батька ж ныма. Маты горала, лучыла, сіяла. Всё ж то трэба. Трэба було робыты. Так робылы всі. А тая, котора за мной родылась чэрез два годіка, то гляділа тую девочку, шо вжэ родылась маленька гэть.

— Ужо ў дзесяць гадоў была нянькай?

— Вона мэньша шчэ мэнэ. Шэ мэньша була. Да. І то вжэ маты кыдала на іі. Да. Однэ, другэ так гляділы. Да. Трыццать девятого вона родылась. Но, а то вжэ діло було после войны. После войны ж було дело, шо маты сама горала, значыть. Якыйся тожэ, но вона чэрэз два года мэнэ родылась. Шось я вжэ путаю. Вона чэрэз два года, в трыцать дэвятом. Я з трыцать седьмого. Тая старшэнька в трыцать пятом. Вот.

— А цацкі былі якія-небудзь у той час?

— Не. Елку ставылы, то рысовалы якую-ныбудь ляльку. Вырыжым, намалюем чым-ныбудь і повісым на шнурочковы.

— А рабілі якія-небудзь лялькі?

— Робылы. Ну, с тряпок.

— А з кветак?

— Я любыла ыночка на голову с шыповніка.

— Ён жа колючы?

— Ааа... всё равно зов'ю ыночка.

— Як? Рукы голыя?

— Всё равно зов'ю. Он красівый. Прыколю ёго. Сама була така кругла морда. Хорошэ. Як гляну в зеркало, то й хорошэ, хорошэ. Ну, а як? Находылы субі шось такое, шо б паграться. То ж ны було ны велосіпедов, ны тых фудболов, хокей. Там велосіпед одын, там велосіпед вжэ другый. Всё. І тыі рацыі. І рацыя е. Я слухаю, говорать по рацыі (смяецца). Всё е. А тоді шо ныц. І всё кажуть, шо кепсько. А я так протів всіх. Кажу: «Ны бачылы тэі жызні, яка була. Тэпэр вжэ такэі жызні, як зара...» Было нічево пры тому, пры Брэжнёвы. Но потом жэ ж стало ж плохо жыты. А чёго було? Потому шо магазіны пустыі, прылавкы пустыі. Мо, дэ в кого які грош був, а ныма. А дэ купыш? А ныма за шо купыты. То тодісь ны тыі грошы, ны тэі продукцыі после войны ны выпускалось. Востонавлывалісь тыко города. А топіро такэі жызні, як зара е. Кілько грошэй дають. Прынысуть шушму грошэй, хоть бы мні, пінсіянеркы. Тры мільёны семсот двацать шэсць тысяч. Ну надо было іх заробыты, конешно. Я по жызні жывотноводтылятныця. Заробыла. Ну, алэ грошы. І хату трэба було выстроіты. Якую на дві половыны.

— А нельга было будаваць хату на месцы пажара?

— На своіх зэмлях строілыся. Канешно. На чужой ны построешся.

— А як выбіралі, дзе хату ставіць?

— Того ны знаю. Выбырають старыі людэ там по участковы дэ должна хата стояты, дэ возвышыность, нэ нызко. Шоб сарай, шоб вода ны заходыла в сарай. Ну, хата на фундамэнтовы яком-ныбудь.

— Падкладалі пад фундамент што-небудзь, каб багата жыць?

— Клалы, клалы. Ну і грошы клалы.

— А квітку ставілі?

— Обізательно. Ужэ всё поставять з рук і кроквы звыдуть і всё. Два шчыта. Квітка з чого? З любэі зэлэні. З любэі зэлэні. Алэ ж квітка. Всё зэлэніе там. Всё, став хозяін грош, тое водку. Бо вжэ квітка. Вжэ всё кажэ завэршэно, бо квітка. А тэі работы шэ больш простоіть.

— А як уваходзілі ў хату першы раз?

— Ну, дітём дадуть кота. І пускають хлопца там чы дівчынку. Большынство пускалы хлопчыка. Хыба ныма вжэ хлопчыка, то дівчынку пускають. А так хлопчыка с котом. І тіко порога пыроступять, кота кынэ. Туда дохаты заходять. Тое було. Так было.

— А для будаўніцтва хаты бралі дрэва бітае перуном?

— А ёго і ны бралы. Нікагда.

— А чаго не бралі?

— Ну, ны знаю. Всё. Значыть, то дерево ны прыгоднэ до этово дела. Дажэ на драва нэ бралы. Ну, горыть. Він сам там згные. Сам. Як тако дерево поб'е часом іногда громом крэпко. Поколыть, потрэшчыть, а не то шчэ і вывалыть. Так воно і погные. Вот жэ потом, вжэ як лыснікы сталы, то вжэ уборку робыть, то вжэ воны там сцягають там у лісы на месте. Там поріжуть ее там тыі веткы і спалять там. Но люды собі ны бралы такое дерево. Не. А шо за прычына? Ну так воно бояця.

— Старыя людзі не палілі грамнічную свечку ў час моцнай грозы?

— Палылы. На столі ставылы. Можэ, дэ на окні ставять. Я ны знаю. Ну ны всі, ну запальвалы. Молодёж там того ны правыть.

— Крыжы не малявалі калі прыходзілі з Грамніц?

— Колысь малёвалы, а тэпэр вжэ тое ны малюють.

— Чорныя?

— Да. Колысь тыко мелом былылы сцены. О так во закоптять тако закоптять того кражыка на дверях. З сэнэй у кухню і з карыдор у кухню і з кухні на того. А мэньшэ то на всіх якыя двэры там. Дэ е всі, всі покоптыть. Як хто хотів. А шо воно помогало?

Запіс 2015 г.

***Заўвага:** вытрымана асаблівасць мясцовай гаворкі*

Пра вяселле, провады ў армію і Пасху

Запісала студэнтка БрДУ імя А.Пушкіна Вольга ЧАРНАОКАЯ у в. Вялікія Радванічы ад ПАНАСЮК Вольгі Андрэеўны (66 год, пенсіянерка, праваслаўная)

— Як у вас праходзіла вяселле?

— Ну как, свадзьбы распісываюцца, а пріежают сваты сначала. Потом после сватов, кагда ужэ сваты прошлі, ужэ дзелают свадзьбу. Віночкі дзелают невеста, дзелают веночкі.

— А сама нявеста робіць вяночкі?

— Она пріглашает дзевочек. Всех подружек. Да і ужэ дзелают цветы, і сплетают ну как раньшэ фату, дзелают, длінную такую. Теперь вроде так цветочкі дзелают. Ну потом ужэ на второй дзень, ужэ гуляют, свадзьбу, ілі у нявесты, ілі обшчую свадзьбу. Как гдзе кагда получаецца. Распісываюцца в сельсавеце.

— А колькі дзен вяселле?

— Ну когда-то было 3 дня. Как я жэніла сына, была трі дня свадзьба. А цеперь ужэ дзень, выходные і все.

— А хлопцаў у армію праводзілі?

— Кагда-то да. Тожэ дзелалі провады. Я помню ходзіла на провады: проважалі, песні пелі, сабіралісь. Сабіралі моладзеж: дзевочкі, мальчікі і все собіралісь, і дзеньгі сабіралі ужэ на дарогу.

— Што рабілі на Вялікдзень?

— Да, красіць яйца, пасху свеціць. Сабіраюцца раньшэ і саседзі сабіралісь, а шчас ужэ нет. Толька радня, родственікі, блізкіе посідзят. І крашенные яйца дают ужэ дзецям, і дзеці ужэ бьюцца, іграюцца, как кагда. Каток дзелают, катают.

— Што за каток?

— Вот кагда шыфер есць ілі доска прямая. Вот адну сторону, вышэ втараю, туда на землю і вот берут яйцо, і скатывают. І упадзет яйцо. Чьё яйцо упадзет, тот ужэ і проіграл.

Запіс 2014 г.

***Заўвага:** вытрымана асаблівасць мясцовай гаворкі*

Рэкруцкія песні з рэпертуару фальклорнага калектыву «Гута» Гуцінскага ДСП

Дорога

Ночь проходит, а я у порога,
Словно тополь у края села,
Где ты, милый, какая дорога
Далеко от меня увела?

Почему ты не пишешь мне письма
О своей неизвестной судьбе?
Или ты, засыпая, не слышишь,
Как тоскую я здесь по тебе.

Нас река разделила, два дуба,
Ну а корни их рядом растут.
Нас судьба разлучила с тобою,
Но сердца наши рядом живут.

Почему ты не пишешь мне письма?
Напиши, сколько лет тебя ждать.
Буду ждать голубые конверты
И когда ты вернёшься опять.

О чём ты тоскуешь, моряк

О чём ты тоскуешь, товарищ моряк,
А ленты повисли, как траурный флаг.
Скажи нам, что всё это значит?
Не ты ли, моряк, в рукапашном бою
С врагами сражался геройски?
Так что же встревожило душу твою,
Скажи нам, товарищ, по-свойски.
Друзья, своё горе я вам расскажу,
От вас я скрываться не стану.
Незримую рану я в сердце ношу,
Кровавую, жгучую рану.
Есть муки, которые смерти страшней,
Они мне на долю достались.
Над светлой и чистой любовью моей

Немецкие псы насмеялись.
Её повели на позор и на стыд,
Связали ей нежные руки.
Отец её ранен, братишка убит,
Так мне написали подруги.
И нет мне покоя ни ночью, ни днём.
От ярости я задыхаюсь.
И только в атаке, в бою под огнём
Я местью своей упиваюсь.
С хозяином вместе тоскует гармонь,
Скорей бы услышать команду «Огонь!»
И броситься в смертельную схватку.

Записано со слов О. А. ВАСИЛЮК

Не ломай калыны

Колы ты бэрэгом идэш,
то нэ ломай калыны.
Колы ты у армию идэш,
то нэ кохай дивчыны.

Припев: *Ой, помню, помню я той час,*
Тэ плакала за мною.
И на прощання раз у раз
Махала хустыною — 2 раза

Як ихав хлопыць до войска,
дявчына прысяла.
Казала, будэ вирно ждать,
хустыну дарувала.
Припев.
Прошов годок, прошов другэй,
казак з войска выртався.
Сады цвитуть, душа трэмтэть,
аж сэрцэ замырае.
Припев.
Вышнэвый сад, зэлэный гай,
калына коло хаты,
Стрыла солдата — волха старэнька
його маты — 2 раза
Колэ калэна оцвитэ,
тоды ламай калэну.
Колэ ты з армии прыйдэш,
тоды кохай дивчэну.
Припев.

Этот случай совсем был недавно

Этот случай совсем был недавно.
В сорок третьем военном году.
Офицер после жаркого боя
Пишет письма в родную семью:

Дорогая жена, я калека.
У меня нету левой руки.
Нету ног — они верно служили.
Для защиты родной стороны.
И за это страна награждала,
Гордо встретила Родина-мать.
Неужели калеку забудешь?
Или будешь калеку встречать.

От жены он письмо получает.
С нею прожил всего десять лет.
А жена в том письме отвечает:

И не нужен калека ты мне.
Мне всего ещё 32 года.
Я могу и гулять, танцевать.
Ты приедешь домой, как колода,
Только будешь в постели лежать.

А внизу там стоят каракульки —
Это почерк совсем не чужой.
Это почерк любимой дочурки
И зовёт она папу домой.

Выраджала маты

Выраджала маты сэна у солдаты.
Выраджала маты сэна у солдаты.
Молоду нывистку в полэ лёну рватэ.

Як ты вырвэш лёну, ны прыходь додому.
Як ты вырвэш лёну, ны прыходь додому.
Посырыдь поля станэш тополёю.

Рвала вона, рвала, рвала ны зурвала.
Рвала вона, рвала, рвала ны зурвала.
Посырыдь поля тополёю стала.

Вжэ прушов годочок и другы мынае.
Вжэ прушов годочок и другы мынае.
Молоды козачэ дудом повыртае.

Мамо моя, мамо, шо то за новэна.
Мамо моя, мамо, шо то за новэна.
Шо то на нашым полю ростэ тополэна.

Нэ пытайся, сэну, про тую новэну.
Нэ пытайся, сэну, про тую новэну.
А бырэ сокиру, зрубай тополэну.

Замахнувся раз вин, вона похилэла.
Замахнувся раз вин, вона похилэла.
Замахнувся други, вона й попродэла.

Повияв буйны ветерок

Повияв буйны ветерок.
Трава вся похылылася.
До бою молодэй стрылэць
Дивчина зажурэлась.

А вин молодэй тай щэ був.
Пора була кохаты.
Прыйшов ему такий прыказ.
Шоб ишов вин воёваты.

А вин молодэй тай щэ був.
Пора була кохаты.
Ён впав як той сухий лысток.
Та вик будэ лыжаты.

А чорный ворон пы над им.
Лытаючы закрычэ:
«Вставай, казачэ, молодэй,
Твоя дивчына плачэ».

Ой, ны плач дивчыно моя,
Голубко ж моя лэжа
Я впав як той сухой лысток
Сыра зямля прыкрэла.

Записано со слов
Екатерины КАЧАЛОВСКОЙ

Шел со службы казак

Шёл со службы казак молодой.
Через реку дорогой прямой.
Обламалась доска. Подвела казака.
Окунулся в воде ледяной.

Вышел он на крутой бережок
Для себя он костёр разожёг.
Мимо девушка шла, к казаку подошла
Что случилось с тобой, мой дружок.

Отвечает казак молодой,
Осетра я ловил под водой
Не поймал осетра, слишком речка быстра,
А воды зачерпнул сапоги.

Отвечает казачка ему,
Ты, казак, не грусти по дому.
Ты, казак, не спеши, сапоги просуши,
Разговор заведём на дому.

Шёл со службы казак молодой.
Через речку дорогой прямой.
Ах, дощечка, доска, подвела казака,
Не вернулся домой холостой.

Танкисты

Там в доме за лесом всё покрылось дымом.
Солнышко за лесом скрылось вдали.
Берегом холмистым ехали танкисты,
На ночлег до ближнего села.

Девушка спросила молодых танкистов,
— Не видали, хлопцы, моего дружка?
Парень он плечистый, всех он голосистей
Со сраженьем крепко бьёт врага.

Хлопцы отвечали, все мы здесь плечисты,
Все мы голосисты, все мы бьём врага.
Хлопцы молодые, парни удалые.
Выбирайте с нас себе дружка.

Девушка смутилась, что же нам ответить,
И глядела вдаль и вдоль и по реке.

Едет Ваня милый и рукою машет,
Орден Красна Знамя на груди.

Всю ночь просидели на скамье в садочку,
Парень говорил, заглядывал в глаза.
Жди меня, родная, жди меня с победой,
Стройная девчонка моя.
А на завтра утром рано чуть зарёю
Парни уезжали в яростный поход.
А она стояла, взглядом провожала,
И махала ласково рукой.

Ночь пропала в полевом лазарете

Ночь пропала в полевом лазарете.
Где дежурил там доктор с сестрой.
И при синеньком тёмном рассвете.
Помирал от раненья герой.

Он собрал все последние силы.
И диктует сестре, что писать.
Не страшна ему здесь и могила.
Не хотел он родных покидать.

Вы жене напишите то,
Что скуку хочу разогнать.
Что я ранен у правую руку.
Не могу ей письма написать.

Малых деток я крепко целую.
Их так хочется к сердцу прижать.
И целую жену молодую,
И старушку несчастную мать.

И последнему брату пишите.
Что наш полк отличился в бою.
Мы так стойко и храбро дралися,
За всех вас и за землю свою.

Ночь прошла в полевом лазарете.
Где дежурил там доктор с сестрой.
И при синеньком тёмном рассвете.
Не дышал уж герой молодой.

Народныя святы і звычаі Берасцейшчыны

«Скакала жэбка под грэчкою...»: жаба ў народных уяўленнях берасцейцаў

Іна ШВЕД,
доктар філалагічных навук,
кіраўнік лабараторыі
«Фалькларыстыка і краязнаўства»
БрДУ імя А. С. Пушкіна

У народнай свядомасці берасцейцаў жаба адносіцца да нячыстых жывёл, якіх завуць гадамі. У легендах пра тое, як Бог хацеў знішчыць усё «гадства» і сабраў яго ў мех, туды разам са змеямі, яшчаркамі, камарамі, мошкамі трапілі і жабы. Але цікаўны чалавек, якому Бог загадаў вынесці з чалавечага свету мяшок з гадамі, не паслухаўся Бога і адкрыў мяшок. Гады параспаўзаліся па свеце, а Бог ператварыў мужыка ў бусла і сказаў: «Усю жызьню будзеш зьбіраць жабак і не пазьбіраеш».З тых часоў буслы вымушаны збіраць жаб, змей, яшчарак і іншае «гадства»: «Давно то було. Ходыв по світы Бог і радовався, шо ліс стоіть стэною, широкіі полі, много річок і озэр. Однэ кепсько — много розвылося гадув, нэма од іх жыття людям. Взяв тоді Бог мышка́, собрав туды всё гадство. На допомогу поклыкав косаря, які ныдалэко косыв траву. Взвалыв торбу косарёвы на спыну і кажэ: "Нысы на булото і втопы мышок. Тыко ны розвязуй". Косар був вэльмы любопытны — тыко зашов за курчі, хутэйко розвязав мышок і заглянув, шо в тому мышковы. Од страху аж побэлів. А гады тым часом росповзлыся хто-куды. Побіг косар до Бога плачучы. Россэрдывся Бог на ёго за тое, шо ны послухав. Взяв Бог порожнюю торбу, повісыв косарёвы на плычё і сказав ловыты выпушчёных гужів, гадюк і жаб. *Пошов той хлопэць на болото, зловыв пэршую жабу — зробывся буснём.* З тых пор бусэнь, як той косар, ходыть по полях, по болотах. Босы з чырвонымы ногамы, в білуй сорочцы і з чорною торбою за плычыма. Боговы стало шкода того бусня, послав вун ёму на подмогу жонку і дітэй. А жыты розрышыв в сэлі, шоб ны забувалы, шо воны з людского роду» (ФА; Радзеж Маларыцкага р-на).

Жыхарка Лунінецкага раёна згадвае: «Тато мне ў децтве расказваў такую гісторыю. Жылі-былі муж і жэна. Яго звалі Васіль, а яе Настаха. Як раз от маю маму завуць Настаха, а тата Васіль. І як бы вот Бог паслаў гэтага Васіля собіраць усякую нечысць по свету. Лягушкі всякіе, от жабы, вужэ, гадзюкі. Сабраць усякую гэтую нечысць і занесці ёго да Бога ўсю гэтую нечысць. Так мне тата расказваў. Но Васіль пошоў собіраць вот гэтую ўсю нечысць. Мужчына сабраў мешок, но он быў так сказаць нейкі цікавы вельмі. І ўзяў яго мужчына пабачыць... А не, Настаха была цікава асоба, спросіла: "А што ты тут насабіраў?" А он гаворіт: "Ну не нада табе смотрэць". — "Ну пакажі мне". Ну вот она і ўзяла, а ўсе тэ разлецелосо, усе распаўзлосо. І Бог як бы не ў наказанне, а для того, шоб ачысціць свет от всякіх гэтых поўзучых, прэўраціў Васіля ў буська, а яе, Настаху, у бусліху. І сказаў ім собіраць іх все врэмя вот этэ. От мне так в дзецтве расказваў, тата, про это всё. І з того врэмені в моём децтве было вэлікае, высокае дзерэво, там бусько зрабіў сабе гнездо і всегда мы звалі Васіль і Настаха, як майго тато завуць, так і мы звалі». На Палаччыне верылі, што буслам стаў гаспадар, які карміў работнікаў жабамі.

Калі бусел выкідаў яйка ці птушаня, лічылі, што будзе галодны год, будзе мала жаб: «Голодны год будзе, як выкідае з гнезда. То есць вон дэтэй не прокорміць, будэ суша. Будзе мало жабів, не прокорміть, дэтэй выкідае, будэ голод... Мої братікі прыдумлялы: іх выкінулы, а воны прыдумлялы такое: з бутылкі кідалы іх назад, все равно, нет [буслы не прынімалі]» (Хмелева Жабінкаўскага р-на).

У сувязі з прыведзенымі легендамі пра ператварэнне чалавека ў бусла, які павінен збіраць жаб, характэрна актыўнае бытаванне тэкстаў розных жанраў, дзе жаба і бусел фігуруюць як апазіты: «Бусень-бусень крыкотун, // Падняў жабу за коўтун, // Соваў-соваў, валачыў, // Дзіткам кашку засмачыў» (Хабовічы Кобрынскага р-на); «Бусел, бусел, клякатун // Паймаў жабу за каўтун. // Па балоце валачыў // І ў карыце намачыў // Ды ў саломке прытусіў, // Каб камарык не ўкусіў» (Сялец Івацэвіцкага р-на), «Ходыть по булоті, // Ножкы высоко пудымае, // Жаб шукае» (загадка) (Радзеж Маларыцкага р-на); «Аистов у нас всегда было много, потому что местность болотистая. Вот. И у нас была такая дразнилка: "Бусэнь, бусэнь, клекатун подняв жабу за ковтун. // Волочыв, волочыв, покуль дождж не намачыв"» (Запруды Кобрынскага р-на). Процістаянне бусла (які ходзіць па балоце і паводзіць сябе як «некультурны прыганяты») і жабы выяўлена і ў іншых тэкстах дзіцячага фальклору («Ходзіць бусел па балоту, //

Гоніць жабаў на работу. // Жаба кажа: "Не пайду". // Бусел кажа: "Праглачу"» (лічылка) (Брэст), «Ходыть бусён по болоті, // Гоныть жабу до роботы. // Жаба кажэ: "Ны пыду!" // Бусён кажэ: "Завыду!" // Бусён кажэ: "В морду дам!" // Жаба кажэ: "В суд подам!"» (Прыбарава Брэсцкага р-на).

Карціна «бусел жабу прывалок» выкарыстоўваецца і ў прыпеўцы пра няспраўджанае каханне: «Дзе мы з міленькім стаялі, // Быў вяселы угалок, // А цяпер на гэта месца // Бусел жабу прывалок» (Магілёўцы Пружанскага р-на). У гульні «Клёк» бусел ловіць гульцоў-жаб: «Збэраюцця діты. Шчітаюцця. Хто пэршы выходыть, той і будэ Клёком. Клёка пытаюцца: "Буснык, буснык, дэ ты був?" Клёк отвечае: "На болоті жаб ловыв. // Дэ зловыв, дэ згубыв, // Остальныі злякалыся, // В болоті похавалыся". Всі діты розбэгаюцця і ховаюцця. Кого Клёк зловыв, выходыть з ігры. Так до последнёго» (Радзеж Маларыцкага р-на).

Іншым прадстаўніком жывёльнага свету, разам з якім часта згадваецца жаба, з'яўляецца рак: «*Жаба* — не м'ясо, але ж і *рак*— не рыба» (Парахонск Пінскага р-на); «Чі я, мамко, нэдорыс, чі я, мамко, пэрорыс, // Чі ў нас нэрубляна хата, шо нэлюябят дывчата? // — Ой ты, сынку, і дорыс, тый сынку і нэ перэрыс, // Но ў нас рубляна хата, но нэ любят дэвчата. // Тэж храмэй, крэвобокій, // І без рэбра, і без окій, // І без верхнюі губы, // Як цэлуіш — вэдно зубы. // У тэбэ стан як у бабы, // У тэбэ очі, як у *жабы*, // У тэбэ носык як у *рака*, // Сам тэ рудый, шо сабака» (Падомша Камянецкага р-на); «Я малы жак, // Паўзу, як *рак*, // Скачу, як *жаба*. // Дай яйко, баба. // Не дасі яечка — здохне авечка» (Пагранічная Камянецкага р-на). Жаба нярэдка фігуруе ў жартоўных і сатырычных песнях тыпу: «Скакала жэбка под грэчкою, // За ею Йванко з вуздечкую: // — Ой, пусты й, жэбко, осыдлаю, // Пыйду Манечку удведаю» [1, кн. 1, с. 158]. У вусна-паэтычных тэкстах вобраз жабы нярэдка прыцягваецца для высмейвання чалавека, выкрыцця яго пэўных заган, напрыклад: «Міне мілой ізменіл, // А я сказала: "Наплевать!" // Я такого лягушонка // Решетом могу поймать» (Дуброва Драгічынскага р-на). Выразная праекцыя разгляданага вобраза на свет чалавека характэрна прыказкам і прымаўкам: «На гатовым вярстаты можэ і жаба плэскаты» (Моталь Іванаўскага р-на), «І жаба б ткала, коб паном стала» (Сошна Пінскага р-на). Часта жабы згадваюцца разам з бабамі (у тым ліку таму, што гэтыя два словы добра рыфмуюцца), напрыклад у замовах немачы, урокі выдаляюцца «на жабы, на старые бабы»; гл. таксама жніўную песню: «Нашая пані выскачыла, // Нам бочку піва выкаціла. // Ой на болоце зялёныя жабы, // Дажалі жыто, жанкі і бабы. // Дзякуй Богу за дажынкі, // Было піво і гарэлкі» (Мачулішчы Камянецкага р-на).

У вядомай казцы пра рукавічку жаба можа выяўляцца гаспадыняй: «Жывбыв дед. Поіхав він раз у ліс по дровы і згубыв рукавычку. Скача тут жаба. Залізла вона в рукавычку і стала там жыты. Бяжыць тут зайчык. Падбіг да рукавычкі і пытается: "Хто тут жывэ?" А жаба отвэчае: "Пані-гаспадыня. А ты хто?" — "А я зайчык-папрыгунчык. Можна до тэбэ?" — "Можна!" Бяжыць ліса. "Хто в рукавычцы жывэ?" — "Пані-гаспадыня, зайчык-папрыгунчык. А ты хто?" — "А я ліса-молодыця. Полізу і я до вас" — "Лізь!" Ідэ вовк. "Хто в рукавычцы жывэ?" — "Пані-гаспадыня, зайчык-папрыгунчык, ліса-молодыця. А ты хто?" — "А я вовк-хапун. Полізу і я до вас" — "Ну лізь!" Аж ідэ тут мэдвэдь. "Хто тут жывэ?" — "Пані-гаспадыня, зайчык-папрыгунчык, ліса-молодыця, вовк-хапун. А ты хто?" — "А я мэдвэдьсілач. Пустыты і мэнэ!" — "Не, в нас нэма дэ" — "Ну то я звэрху сяду!" Заліз він навэрх і задавыв всіх» (Велюнь Брэсцкага р-на).

У розных рэгіёнах Беларусі жаб *негатыўна ацэньвалі*, успрымалі як непрыгожых, «гадкіх» істот, якія прыносяць чалавеку непрыемнасці: «Ты знаеш, есць нейкія жабы, я не знаю якія есць. Есць лягушка, мама заве яе рапуха. Ана толстая такая, надутая. Вот іх старались, каб іх не было. Аны гадкія такія. Мама старалась іх как бы біць, каб не было... У мамы былі — гэдак вілами закалола. Мама закалывала... Не знаю, не знаю адкуда аны браліся. Тады мама казала, што две ілі трі іх было, то мама іх всех забіла... Казалі, што аны непріятнасці пріцягівают. Во гэдак во. А лягушка — гэта саўсем другая, лягушка такая зелёненькая, а гэта надутая, рябая такая з белым, праціўная. Ну вот у мамы гэдак было. А лягушка есць лягушка» (Даўжані Мінскага р-на).

Шырока вядома вераванне, што жаба можа перадаць сваю «пупырчатасць» чалавеку: «Бородаўкі будуць, еслі берэш жабу ў рукі, вылазяць бородаўкі. [І трэба] чыстоцелом, вот этэй жоўценькай водычкі, адламваеш — і этай жоўценкай водычкой. Мое дзеці так зводылы, то чыста праўда. Шэ нытачку завязвалы на пальцові, на бородавку на кожну... І закопвалы, шоб згныла нітачка і тады звалыцця бародаўка. З капіш, со стрых» (Хмелева Жабінкаўскага р-на). Жаба фігуруе і ў *народна-медыцынскай магіі*: «Колі опухоль і гноіца, то надо найты жабу, сняты кожу і прыложыты на хворэ месцэ» (Лясковічы Бярозаўскага р-на).

Як іншыя гады, жаба лічылася *дэманічнай істотай*. «Калдуны» «скідаюцца і ў жабу, і ў вужэ, і бувае, шо і ў годзюку, усяк злы дух» [1, кн.2, с. 565]. У вёсцы Краі Івацэвіцкага раёна апавядалі, як ведзьма ператваралася ў карову, пеўня, жабу. Верылі, што ведзьмы, асабліва часта ведзьмы-малочніцы, могуць ператварацца ў жаб і ў такім выглядзе адбіраць малако ў чужых кароў: «Расказвалы, одна баба, хазяйка, на Купайло пошла корову доіты, а жаба за цыцку хватала. А вона на мужыка крычыть: "Ходы, ходы, тут жаба на корову". Він ей голову пробыв — а это сусідка була, захворыла на ту голову да й умэрла» [1, кн. 1, с. 169]. Лічылі, што ведзьма мае жабіную галаву. Калі ведзьму ў абліччы жабы ўдарыць у грудзі, яна выплюне белае, падобнае да каровінага, малако. У вёсцы Лыскава апавядаюць, як на Купалле бабка-павітуха, якая ўмела чараваць, скінулася жабай і залезла ў хату да парадзіхі, каб украсці немаўля. Але ягоны бацька ўгледзеў жабу, ударыў яе сякерай і адсёк правую лапу. Назаўтра той селянін прыйшоў да бабкі-павітухі клікаць яе на хрэсьбіны. Але яна ляжала ў ложку і пакутліва стагнала. «Гляну ў — аж у бабкі правай рукі няма!» (ФА; Лыскава Пружанскага р-на). Падобныя сюжэты даволі шырока бытуюць у розных мясцовасцях Берасцейшчыны: «Неколі баба наша росказвола, шо ходзіла ведзьма. І вот вона робіла там шо. А тут хозяін выходзіць. І вона, шоб яе не познали, перотворылася ў жабу. Хозяін з хлева эту жабу зобраў... А раньшэ ж печы топілі, і ў печы жар усегда быў. Хозяін узяў вугля з печы і посадзіў на яго тую жабу. Яна круцілаcа, пішчала, ён за яе і выкінуў на вуліцу. А суседка рана ўстала да пошла да другой суседкі. А тая жаба, это ведзьма была, вона опять обраціласа ў бабу. І вот эта суседка ўся распухлая і рукі попэчэны, і губы попэчэны, і ногі ўсэ спэчэны. Это вона і была жабай» [1, кн.2, с. 497].

У чарадзейных казках жаба, надзеленая дэманічнымі ўласцівасцямі, адбірае жыццёвыя сілы ў героя; каб вярнуць чалавека да жыцця, неабходна знішчыць жабу, як у казцы «Пра двух братоў». Герой гэтай казкі пад карытам падслухоўвае размову чарцей: «Там, у одного цара дочка такая сухая зробілас, такая сухая. І рады не могуць ніхто даць. А вона на Вэлыконня, — кажэ, — ела і крошэчка яйца ўпала ў шпарык. І там лягушка седзела, жаба, і ўзяла это яйцэ зьела. Она росце — под трэцею доскою под столом — а дзеўка худае. Коб ейе, — кажэ, — дгоняв, зорвав подлозіну, і воды нагрэв, ейе посек, посек у корыто, эту дзевку тры разы змыв — от вона б і пошла б в росце, эта дзеўка... Наготовілі корыто... Правда, знялі этую доску — вона седзіць, така вэліка, эта жаба! Воны за ейе, высунулі, в тэе корыто — посеклі, посеклі, кыпятком упарылі... Тая дзеўка начала есьці» [1, кн.2, с. 349].

На Палессі яшчэ і сёння вядомы аповеды аб тым, як вядзьмак «засадзіў» жабу (ці змея, вужа і пад.) унутр чалавека, пасля чаго апошні пачаў вельмі многа есці і / або хварэць, чэзнуць. Калі псута здымаецца больш моцным чараўнікам, з хворага выходзяць жабы, чарвякі, яшчаркі ці іншыя гады. Вядомы таксама аповеды пра жабу і іншых гадаў, якія пакідалі цела паміраючага чалавека (ведзьмака, злой свекрыві).

Жаба (ці лягушка) магла звязвацца з душой чалавека. У многіх славян вада (у якой нібыта знаходзілі немаўлят) лічылася месцам часовага прабывання душ ненароджаных дзяцей у выглядзе лягушак, рыб і пад. Рэлікты ўяўленняў пра жабу як прыродную іпастась немаўляці можна ўбачыць у фальклорных тэкстах: прыпеўцы «Як я была маладая, то я была рэзва, // Села сюсе на кажусі // І — жаба ў пі..ку ўлезла!» (Баяры Пружанскага р-на), тлумачэнні сну: «Жабу бачыць — зацяжараеш». Дарэчы, жаб, лягушак забаранялася забіваць, бо «маці памрэ», у чым выяўляецца іх лучнасць з засветамі, продкамі: «Это ж хлопчыкі кода-то былі малыя і тых жаб убівалі, то всё говорілы: "Нельзя убівать, а то мама умрёт". То лякалы так» (Лелікава Кобрынскага р-на).

Між тым жаб, як хтанічных істот, звязаных з вільгаццю, маглі забіваць з мэтай выклікаць дождж: «Казалы, жябу як зловыш, розкынэш чы роздырэш — дождж будэ» (Брадзяцін Маларыцкага р-на). Каб пайшоў дождж, «колысь жабу роздыралы, да на воротях вішалы... А я робыла, бо мы хотілы дождҗу... А жэншчына там одна старэнькая подошла, да кажэ: "Маруська, давай зробым: жабу раздэрэм, і повісымо, на воротях, о там. І, — кажэ, — побачыш, што будэ дождж". Ну, мы за ейі (я бандіт добры була), за ту жабу, зловылы, забылы, роздэрлы, повісылы. То полыв дождж. Казалы, чэрэз ту жабу» [1, кн.2, с. 572].

Жабы фігуруюць у метэаралагічных прыкметах. Папаводзінах жабы меркавалі пра надыход і заканчэнне лета. Лічыцца, што гэтыя жывёлы квакаюць на цяпло (Тухавічы Ляхавіцкага р-на). Раілі: «Жаба ў воду — пей воду, а жаба з вады — не пей вады» (Парахонск Пінскага р-на).

Жаба, такім чынам, надзяляецца жаночай сімволікай, улучаецца ў катэгорыю гадаў, надзяляецца хтанічнымі і дэманічнымі характарысткамі ды лекавымі ўласцівасцямі, звязваецца з душамі людзей і пераважна негатыўна ацэньваецца.

Літаратура

1. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. / А. М. Боганева [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. — Мінск : Выш. шк., 2008–2009. — Кн. 1–2.

Купалле — свята сонца і кахання

Купалле — адно з самых значных свят народнага календара, асаблівая чароўнасць якога адкрываецца менавіта ноччу з 6 па 7 ліпеня.

Багіня ночы — Купалінка, якая паўстае прыгожай дзяўчынай у нацыянальнай сукенцы і вяночку з жывых кветак.

Свята для жыхароў Брэстчыны пачыналася са збору лекавых раслін, зёлак, былінак, ягад, карэння і кветак патрэбных для выкарыстання — для вянкоў, лекаў і ежы, бо гэта лепшая іх пара.

У аснове ўсёй купальскай абраднасці ляжыць пакланенне нашых прашчураў сонцу (агню), вадзе і расліннасці. Святкаванне Купалля звычайна адбывалася на традыцыйным рытуальным месцы, на якім вясковая абшчына яшчэ са старадаўніх часоў адзначала найбольш значныя падзеі.

Вечарам моладзь наладжвала масавае шэсце па вуліцах вёскі. Усе ўпрыгожвалі сябе зелянінай, дзяўчаты — вянкамі, падпярэзваліся палыном. З песнямі, крыкамі падыходзілі да кожнай хаты, запрашаючы ўсіх на Купалле.

Абавязковым атрыбутам Купалля былі вянкі. Моладзь выконвала абрады, неабходныя для ўсёй вясковай супольнасці: *«Делали дивчата выночкы, а хлопцы делали таки кружэвнички и вставляли в этот выночэк, там было отверстие, штоб поставить свечу туда — и на кресты вешали. Ручники вешали на кресты. Завтра — Иван, а сегодня под вечер убирают кресты, дэ стоять на дорогах — это було дело молодёжы» (Ганна Курылюк, 1930 г.н., в Старыя Лышчыцы, Брэсцкі раён).*

У купальскую ноч нібы расвітае кветка папараці, і той, хто яе адшукае, можа авалодаць усімі зямнымі скарбамі: будзе багаты і шчаслівы, атрымае дар разумець мову звяроў, птушак, дрэў, раслін.

«Колэсь казалэ, шо на Ивана рано и вэчором сонца грае. Рано ны бачылэ, бо трэба було ранэнько вставатэ, пырыд заходом сонця, собыралысь дивчата и выходылэ дывытыся як тое сонцэ грае (довго на сонцэ трэба дывэтысь и оно начынае пырылыватыся разнымэ цвытамэ» (Качалоўская Вольга Іванаўна, нар. у в. Гута)

У самую поўнач, калі яна павінна раскрыцца, зіхаціць бліскавіца, грыміць гром, і таму, хто асмельваецца сарваць кветку, здараюцца розныя

пачвары, якія імкнуцца ўсяляк перашкодзіць задумам чалавека. А калі ўдавалася сарваць кветку, дык павінен быў не аглядваючыся ісці дадому і не звярнуць увагі ні на пагрозы, ні на зманлівыя абяцанні, якімі ведзьмы імкнуліся прымусіць чалавека азірнуцца. Інакш кветка ў адзін момант прападзе.

Неад'емным атрыбутам Купалля было і ёсць вогнішча, скокі праз якое і карагоды сімвалізуюць душэўнае ачышчэнне і шчасце. Лічылася, што ў тым агні згараюць хваробы.

«На Ивана днём, до захода сонця, дивчата шлы у полэ, рвалэ квытке, плылэ з их вынкэ. Загадовалэ хлопця, який нравытся. А вжэ колэ палять «купаль-ныцю» (костёр), каждая дивчина по очереди кедае свый вынок в костёр. Чый вынок ярчэ вспыхнэ, тая дивчина пэршыю замуж вэйдэ.

Водэлэ хоровод кругом купальницы, спывалэ:

Нычка-купалнычка,
Ны вэспалась Наталочка.
Ходэла выно пэтэ,
Ныма чэм заплатэтэ...

Як костёр догорае, пырыскакувалэ чырыз ёго.

А колэ купальныця згорэть, бралэ в жмэню попыл и втыкалэ з того мисця як можна хучий, бо счмталося. хто вспие (останытся последним), того ведьма схватыть и зачаруе» *(Качалоўская Кацярына Якімаўна, нар. у 1934 г., в. Дубок, жыве ў в. Гута).*

Магічныя ўласцівасці ў гэтую святочную ноч набывае вада. Паводле паданняў з яе выходзіць уся нячыстая сіла, а купанне ачышчае душу і цела. Гаючай лічылася і ранішняя раса, на досвітку ёю ўмываліся для захавання ці вяртання здароў'я і знешняй прыгажосці. Еднасць вады і агню было крыніцай прыроднай сілы, таму вогнішчы раскладаліся на берагах рэк, азёр, сажалак.

Кажуць, што ў гэтую ноч дрэвы пераходзяць з месца на месца і размаўляюць паміж сабой праз шапаценне лістотай.

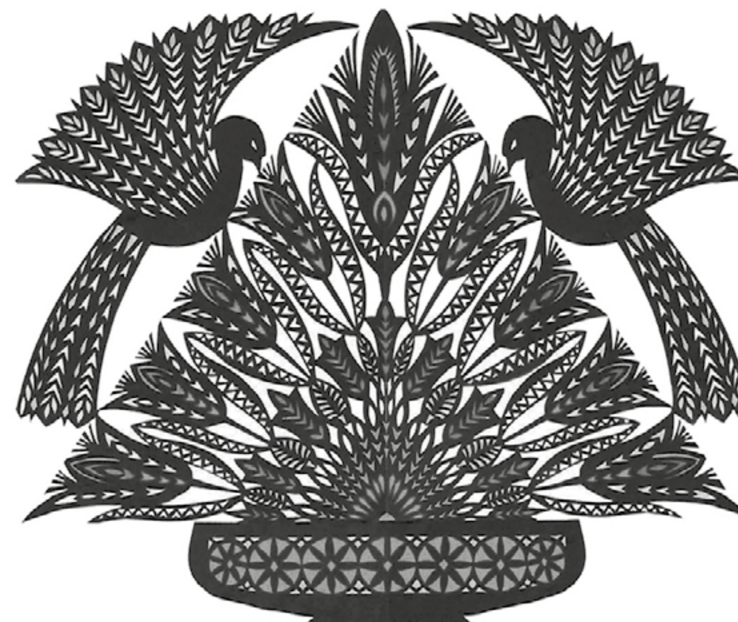
Купальская ноч вельмі кароткая, бо прыпадае на час летняга сонцастаяння. Яна святкуецца ў падыход праваслаўнага свята нараджэння святога прарока і папярэдніка Хрыстова Іаана. Але яна самая рамантычная.

Заканчвалася свята ўсеагульным купаннем у рацэ і пусканнем вянкоў на ваду, каб паваражыць аб сваёй будучыні. Па тым, як будзе паводзіць сябе вянок, прадказвалі: калі ён адразу на дно пойдзе — не быць замужам у гэтым годзе, калі ж паплыве далёка і роўна — быць шчаслівай у шлюбе.

Жадаючы даведацца, хто будзе жаніхом, маладзёж з-за Буга рабілі так: «*И с тое стороны идуть дивчата и хлопцы, и по нашэй стороне идуть, а выночки плывуть далёко, далёко, ны останов-ляцця. Каждый выночок назначаны був, назначалы ленточкой чы якой трапочкой, назначалы так, шчоб каждый выночок був заметны. Если выночок зыйдзецца, значыть дивчына будэ за тым хлопцэм» (Ганна Курылюк, 1930 г.н., в. Старыя Лышчыцы, Брэсцкі раён).*

Алена ПАДДУБНАЯ,
метадыст па дэкаратыўна-прыкладному мастацтву, этнаграфіі і фальклору РМЦ

СКАРБНІЦА НАРОДНЫХ ТАЛЕНТАЎ

Забытое ремесло

Из исследовательской работы Софии Машлякевич, ученицы 4-го класса Остромечевской СШ, (руководитель Елена Васильевна Пупчик — учитель высшей квалификационной категории)

В нашем роду так повелось, что все женщины — большие мастерицы. Например, моя прабабушка, Ковтачь Прасковья, слыла в своей деревне самой искусной ткачихой. Она умела ткать все, что можно изготовить на ткацком станке. В доме моей прабабушки бережно хранятся половики, полотенца, пояса, кушаки. Свое мастерство по ткачеству прабабушка передала моей маме, Машлякевич Оксане Васильевне. Моя мама вела кружок «Ткачество». Вот и во мне проснулось желание продолжить ремесло моего рода. Мне стало интересно, как малограмотные прабабушки осваивали такое непростое ремесло, как ткачество? Какая была необходимость в изготовлении узорных кушаков и поясов? Из какого материала, и с помощью каких приспособлений они изготавливались? Учитывая то, что мое поколение недостаточно интересуется народным творчеством, я хочу поднять вопрос о возрождении такого ремесла. Все это побудило меня заняться исследовательской работой по ткачеству.

Ткачество это — женское занятие. В каждой крестьянский семье имелся ткацкий станок, на котором женщины изготавливали домотканое полотно. Из него шили одежду, простыни, полотенца, скатерти и другие необходимые в быту предметы.

Кроме гладкой холстины деревенские мастерицы выполняли и ткани с узором. Техника ткачества при этом усложнялась. Материалом для ткачества служила пряжа, которую получали изо льна, хлопка, конопли, овечьей и козьей шерсти. Пряжу часто окрашивали домашним способом, используя в качестве красителей сок разных растений, от этого узоры получались яркими и нарядными.

Обыденное полотно, ручники расстилали на дороге, чтобы преградить путь болезням, обносили их вокруг деревни, над ними совершали очистительный обряд для людей и скота.

Для традиционных тканей белорусов характерен орнамент двух видов: полоса, линейный орнамент и геометрически структурированный бордюр.

Для традиционных тканей белорусов характерен орнамент двух видов: полоса, линейный орнамент и геометрически структурированный бордюр

Ручники с ткано-вышитым декором

Оба подчинены горизонтальной структуре ткани и горизонтальному принципу оформления модуля полотна.

В деревнях сложилась оригинальная местная традиция создания ручников с ткано-вышитым декором. Непосредственно в процессе ткачества на концах ручников чередовали узорные полоски, вытканные в технике четырехремизного или переборного ткачества, с промежутками гладкого полотна, на которых впоследствии размещали цветочную вышивку в технике свободной глади.

Побеседовала с местными сторожилами, которые умели ткать: Стрехой Верой Федоровной 1945 г.р. и Огиевич Марией Степановной, 1938 г.р. Она рассаказала мне, что ткачеством занимались с 10 — 12 лет, помогая взрослым, так как в семье было шестеро детей.

Из воспоминаний Марии Огиевич:

«Станков ткацких в нашей деревне было несколько. Никто даже не может сказать сколько, потому что их передавали от дома к дому по надобности или просто, когда появится свободное время и заготовлено все для его работы. Для них, сегодняшних бабушек и прабабушек, тогдашних детей, это было интересным

Ткацкий станок

Плетение на бердо

делом. С удовольствием они помогали мамам и бабушкам ткать домотканые дорожки. Чуть раньше ткали и материал для рабочей одежды и наши старожилы рассказывают, что ходили в школу с сумками суконными, в холщевых платьях и брюках с рубахами».

Ткачеством занимались почти в каждой семье. Наши односельчане подтверждают, что в их домах периодически находился и был в работе ткацкий станок. Занимал он очень много места, большую часть комнаты.

Первую ступень — прядение девочки начинали осваивать в шесть-восемь лет. Они получали свои первые орудия труда — прялку, веретено и кудель. В подростковом возрасте — от 10 до 12-14 лет, занятие прядением для девочки становилось обязательным. Постепенно под руководством старших женщин семьи девочки осваивали и начинали выполнять все женские виды работ: мяли и трепали лен и коноплю, пряли, ткали, шили, белили полотно.

Моя прабабушка рассказывала, как будучи молодой девушкой они с подружками собирались друг у друга в гостях прясть, петь песни, разговаривать. Когда после работы расходились по своим домам, девушек ждали кавалеры, чтоб проводить и пообщаться.

Готовили девушки свадебное приданное. В приданное входили холсты, сукно, из которых женщине предстояло обшивать семью; одежда — сорочки, фартуки, намитки, и предметы обрядового назначения — ручники. В доме мужа женщина сама распоряжалась своим приданным — это была ее личная собственность.

Полотно и одежда хранились в кубле — большой деревянной бочке с крышкой, а с конца 19 века в белорусской деревне стали распространяться сундуки.

Количество тканей в приданном невесты зависело от степени зажиточности семьи и количества женских рабочих рук. В приданное богатой невесты входило: 4-5 сувоев полотна, более 20 штук ручников, десять скатертей, четыре сорочки, пять фартуков, две полотняные юбки (сподницы), четыре шерстяные юбки (андарака), пять намиток, одно покрывало, четыре свитки, перина и подушки.

Наиболее богатой вышивкой украшались свадебная сорочка и фартук. Их готовила сама невеста или ее мать. Обилием орнамента отличались сорочки праздничные. Более скромно, несложными ткаными узорами украшались будничные сорочки и фартуки.

Кто делал станки, уже сейчас никто и не помнит. Ремонтом и восстановлением занимался опытный односельчанин. Он же мог изготовить и сменные

В музее аг. Остромечево «Спадарыня Прыбужжа»

Свадебное приданное девушки

части стана (берда, ремизки, валики, челноки)

По рассказам односельчан последнее использование ткацкого станка было примерно в 70-х годах прошлого столетия. Хозяйства стали крепче. Проще купить одежду и дорожки в магазине и качественнее и времени, как правило, на их изготовление не хватает. Ткацкие станы за ненадобностью пылились в сараях, а то и просто сжигались.

Но ткачество половиков не умирает. Это редкое рукоделие, потому что ткацкий станок не так просто приобрести. Занимает много места. Вместо ткачества вяжут толстым крючком коврики из полос от старой одежды. Или плетут косу и сшивают ее в круг. На продажу половички никто не делал, а использовали для своей семьи, даже готовили в качестве приданного невесте. Домотканые дорожки укладывали на некрашеный пол, чтобы меньше грязи и пыли было. Позднее их постилали, потому что так было положено, да и теплее на полу»

Анализируя проведенную работу, я считаю, что век современных технологий, машин, искусственных материалов человек подсознательно стремится вернуться к своим истокам, спастись от бездушности цивилизации. Возрождение незаслуженно забытых навыков ручного ткачества возвращает нас к лучшим

Интервью с местными ткачихами:
Верой Фёдоровной Стрехой, 1945 г. р.
и Марией Степановной Огиевич, 1938 г. р.

традициям быта наших предков. Старое, забытое сейчас вновь становится новым, актуальным. Нормы, традиционно наследуемые молодым поколением от предков, всегда служили эталоном поведения, хранителем которого выступало старшее поколение.

Мне стало интересно изучить данную тему после экскурсии в музей агрогородка Остромечево «Спадарыня Прыбужжа», который открылся в 2018г. Мое внимание привлекали тканые вещи, которые придавали экспозиции простого и строгого крестьянского дома особую привлекательность.

После этого я посетила библиотеки, где познакомилась с литературой по

интересующему меня вопросу. И, конечно, я воспользовалась интернетом. На сайтах любителей ткачества я нашла много интересного.

Кроме того расспросила свою маму О. В. Машлякевич, которая рассказала мне о принципах работы на ткацком стане и обучила работе.

Создала изделия своими руками: пояса, закладки для книг, изготовила куклу в национальном костюме, используя тканый материал, также сделанный своими руками.

Составила буклет-рекламу «Ткачество — ремесло не забыто».

Провела мастер-класс с учащимися 4 класса по ткачеству. Показала приемы ткачества на ткацком станке и на мини-станке.

Литература:

1. Л. М. Буткевич / История орнамента: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений, обучающихся по специальности «Изобразительное искусство». — Минск : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008.
2. О. А. Лобачевской / «Белорусский народный текстиль». — Минск, 2010.
3. А. И. Ильбекова. / «Слово о ткачестве», 2006 г.
4. Л. Г. Амальдинова / Ткачество на ручном настольном ткацком станке: — Псков : ОЦНТ, 2002.
5. Журналы «Ксюша. Умелые ручки» / Максимович Е.А. «Ткачество поясов», №1-5, 2012.
6. http://olsha5.livejournal.com/
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/

Літаратурная сядзіба

Вершы Надзеі Парчук

Шчаслівая раніца

Я вітаю цябе, мая раніца!
Я вітаю цябе, маё неба!
Больш бядою твой твар не апаліцца —
Нам пажараў сусветных не трэба!

Анічога благога не здарыцца
З Беларуссю маёю ніколі...
Бласлаўляйся, блакітная раніца,
Падымай сваё сонца над полем!

Нам свяціць яно з высяў не зморыцца:
Ёсць цяпла і святла ў ім багата.
Аніколі ўжо больш не паўторыцца
У гісторыі чорная дата.

Дый ваяр, што ў баях цяжкіх выстаяў
І прынёс, падарыў нам свабоду —
Верыць ў неба празрыстае, чыстае
І ў світальную ласку-пяшчоту.

Я вітаю цябе мірнай, раніца!
Я вітаю цябе чыстым, неба!
Хай заўсёды так дзень пачынаецца,
А іначай... іначай не трэба!

З Днём Перамогі!

З Днём Перамогі, слаўны наш герой!
Паклон прымі і шчырую падзяку
За тое, што на ворага ты ў бой
Не раз ішоў пад кулямі ў атаку.

За тое, што Радзіму бараніў,
Ўратаваў ад нечысці праклятай,
За тое, што жыццё не разлюбіў,
Не зганьбіў звання вернага салдата.

Грымяць ізноў салюты да нябёс
У гонар твой — за службу, і адвагу,
І за любоў, што ў сэрцы скрозь пранёс,
Айчыне даўшы клятвенна прысягу.

Ода Брэсту

Над Бугам-ракою
Бяссмерце героі
І славу табе здабылі,
Каб ты красаваўся,
З бядою не знаўся
На вольнай і роднай зямлі.
Цябе не скарылі
Варожыя сілы
У самыя грозныя дні...
Ты выстаяў, горад,
У жудасным горы,
Гарэў — не згарэў у агні.
Хоць плавіўся камень,
Бетон і жалеза,
Стагнала зямля пад табой,
А Брэсцкая крэпасць,
Як мужная вежа,
Смяротны працягвала бой.
Не чуў яшчэ свет,
І не ведалі людзі
Падобнай любові сыноў...
У памяці нашай
Жыве і жыць будзе
Іх подзвіг на сотні вякоў!

Буйніцкае поле

Вітаецца з сонцам Буйніцкае поле,
Зноў славіць жаўрук цішыню.
І толькі гарматы ва ўдзячным раздоллі
Нагадваюць нам пра вайну.

Нагадваюць нам пра баі і атакі,
Пра подзвігі мужных салдат,
Як тыя ўставалі з гранатай на танкі
Пад грукат варожых гармат.

Як сімвал нязломнага духу капліца
Да неба ўздымае бліжэй
Імёны сыноў, што ляжаць у зямліцы,
Ды вечны іх сон беражэ.

Рассеяны прах тут паэта з Расіі —
Лунае тут Сіманаў дух,
Каб злыя віхуры жыццё не касілі
І сонца ўзыход не патух!...

Ах, роднае поле, ах, поле святое,
Залітае брацкай крывёй,
Звіні жаўрукамі, шумі збажынаю
І радуй блакіт над зямлёй!

Цаніце, людзі, мір!

Зноў Пераможны Дзень святочназзяе,
Чаканіць крок нашчадак малады...
Хай лепей ён ваенных бур не знае,
Няхай буяюць квеценню сады!

Цаніце, людзі, мір, прашу, цаніце,
Шануйце тых, хто нам яго здабыў,
Чые імёны свецяцца ў граніце,
Хто больш жыцця свой родны край любіў.

Іх паміж намі мала засталося,
Злятаюць душы мужныя ў нябыт —
Прымаюць іх высокія нябёсы
І абдымае сонечны блакіт...

Зноў Пераможны Дзень святочна ззяе,
Чаканіць крок нашчадак малады...
Хай лепей ён ваенных бур не знае,
Няхай буяюць квеценню сады!

Хатынскі звон

Ты не знікла, Хатынь, з нашых душаў і сэрцаў.
Вось і зноў да сябе вострым болем завеш.
Хоць твае жыхары адляцелі ў бяссмерце —
Ты з бяссмерця да нас іх пакуты нясеш.

Зноў выходзіць з агню абгарэлы Камінскі,
Нежывога сыночка нясе на руках.
Б'юць жалобна званы — плач разносяць хатынскі,
І ў нябёсах анёлы застылі ў слязах.

А ці лівень шуміць, а ці сонейка свеціць,
Ды пакуты свае табе вечна трываць...
Каб смяяліся скрозь, а не гінулі дзеці, —
Не павінен ніхто жах вайны забываць!

... Ты не знікнеш, Хатынь, з нашых сэрцаў ніколі.
І на месцы святым табе вечна стаяць —
Біць трывогу званам і з пранізлівым болем
Дакранацца нябёс і вайну праклінаць.

Урачыстасць жыцця

Палошча май сцягі маёй Радзімы,
Блакітам ззяе неба над зямлёй,
Глядзіць Айчына ўдзячнымі вачыма
На мужны, слаўны ветэранскі строй.

А ветрык весні лашчыць абаронцаў —
Былую моладзь тых, саракавых,
Цалуе іх праменчыкамі сонца
За мір, здабыты для ўсіх жывых.

Урачыстых маршаў музыка крылата
У гонар свята весела гучыць...
О, колькі іх лягло ў зямлю багата,
Каб нас ад бед сабою засланіць!

Каб маладое наша пакаленне
Больш не спазнала подыху вайны,
Ідуць, ідуць героі вызвалення —
З мінулай той, далёкае вясны....

Пераможны дзень

Былы салдат вялікае краіны
Ізноў размову з моладдзю вядзе,
Як адстаялі сілаю адзінай
Цаной высокай мір для ўсіх людзей.

«Дзень Перамогі мо каму — звычайны,
Але не нам — удзельнікам вайны.
Мы ў бой ішлі рашуча і адчайна,
Бо кожны з нас Радзіму бараніў.

Не шкадавалі мы крыві і сілы,
Не шкадавалі жыццяў мы сваіх,
Каб працвітаў у шчасці край наш мілы,
Каб патанаў у кветках веснавых!

Прашу, жывіце, мілыя нашчадкі,
І беражыце мірнае жыццё.
Не трэба нам чужынскія парадкі,
У нас сваё да Свята пачуццё!..»

Александр ВОЛКОВИЧ

Штык Брестской крепости

Штык — это здорово. Если к тому же он настоящий — оттягивающее руку тяжелое оружие, податливо лежащее в детской ладони, придающее слабым мальчишеским пальцам ощущение опасности и восторга одновременно.

Кажется, уже от соприкосновения с боевой смертельной сталью на губах чувствуется привкус острого холодного железа — солоноватого, как кровь, терпкого и вяжущего, будто ягоды зрелой черемухи, которые мы обрывали каждой осенью на деревьях, растущих вдоль обводного канала крепости.

Штык был грозен прежде всего своим внешним видом. Он оказался гораздо длиннее и острее добродушного курносого акаэмовского штык-ножа с его ярко выраженным рязанским профилем (это сравнение пришло мне на ум много лет спустя после срочной службы и многочисленных караульных бдений «через день — на ремень»), но короче блестящих музейных стилетов и палашей, которые приходилось лицезреть уже в зрелом возрасте в разных местах и городах. Холодное оружие. Настоящее боевое. И, главное, чье?

Как только находку извлекли из воды, принадлежность трофея почти единодушно определили — немецкий, к штурмовой винтовке. Позже уточнили — австрийский, от карабина. Может быть, даже — личное оружие офицеров СС. Крохотное клеймо в виде средневекового щита, выбитое на лезвии у внутренней кромки увесистой рукояти, не вносило ни во что ясности.

Предположений и вариантов рождалось много. Но то, что штык оказался чрезвычайно острым и опасным, убеждать впоследствии не пришлось никого из нашей рыбацкой компании, ловившей пескарей в обводном канале Брестской крепости, неподалеку от Северных ворот. Туда мы отправились скопом теплым весенним днем, вооружившись нехитрой снастью собственного изготовления — удочками с суровыми нитками взамен дефицитной в те годы капроновой лески, крючками, изогнутыми из тетрадных скрепок, и наспех накопанными тут же, на берегу, земляными червями.

Родители автора Волкович Михаил Ильич и Волкович Лидия Илларионовна с детьми. Послевоенный снимок.

Как только я, стремясь забросить поплавок подальше от берега, забрался в воду выше колен, неожиданно почувствовал легкое жжение в пальцах ноги и что-то неладное. А когда из начавшегося расплываться вокруг меня розового круга выскочил наружу, то пацанва с немым ужасом в глазах беззвучно стала тыкать мне в босые ступни указующими перстами: «Смотри!». Я нагнул голову и... почувствовал тошноту в животе. Представшая взору картина оказалась не для слабонервных, хотя вначале никакой острой боли не чувствовалось. Большой палец моей ноги был, словно бритвой, безжалостно рассечен почти до кости. Хлынувшая из раны кровь вмиг окрасила желтый песок, зеленую травку на берегу в неестественный бурый цвет.

Кто-то побежал за моей матерью в домики, где жили офицерские семьи, кто-то стал привязывать ниткой кровавый обрубок моего пальца, стараясь водворить его на прежнее место, кто-то стал шарить палками по дну, рассчитывая обнаружить непредсказуемую опасность, во избежание впредь наткнуться в мелководье на что-либо острое.

Тогда-то из глубины и был извлечен германский штык-кинжал. Он, подлец, выжидая свой час, затаился в тине и донной грязи острием вверх, наизготовку, как и полагается воителю-агрессору, — дерзкая сталь золингеновской ландскнехтовской ковки, образца Второй мировой войны, давно отвоевавшая, однако в постоянной готовности разить насмерть. Колоть и кромсать живую плоть, выполняя свое главное предназначение — убивать.

Хищное каленое лезвие выглядело как новенькое. Никакая ржавчина его не разъела, никакая короста на нем не наросла за время, проведенное в воде с неизвестных пор. Смертоносная мумия сохранилась прекрасно. Оставалось только угадать ее «масть». Багинет? Тесак? Кинжал?

Как бы то ни было, но штык заставлял себя уважать...

* * *

Что было потом? Это смотря с кем. Лично я был подвергнут причитающейся в таких случаях экзекуции: вначале — врачебной, затем — родительской. Какая из них оказалась болезненней и строже, предпочтительнее умолчать. Полуампутированный палец мне пришили, швы со временем рассосались. Сейчас на месте давнего рубца — лишь тоненькая белая ниточка.

Интригующая находка, можно сказать, кровью добытый трофей, пережила вместе с ребятами моего двора на Каштановой, переименованной позже в улицу имени Героев обороны Брестской крепости, длинную и увлекательную историю. Но если расценивать происходящие позже события с точки зрения приобретений и потерь, то последних — с появлением в центре дворового внимания боевого штыка, — к сожалению, оказалось достаточно.

Можно строить любые догадки, каким образом фашистский клинок угодил в крепостной ров, однако в самом факте находки ничего удивительного по тем временам не было. В мои детские послевоенные годы в развалинах крепости, в обводных каналах, в любых закутках огромной территории крепостных сооружений, где мы, гарнизонные дети, буквально дневали и ночевали, обнаруживались порою «сюрпризы» значительно страшнее отточенного штыка. Снаряды, мины, боеприпасы разных размеров и калибров, различной степени взрывоопасности — вот что представляло главную беду.

Ну а настоящий боевой штык... Он отвечал всем требованиям относительной безопасности (за возню с найденными боеприпасами наказывали в семьях строжайше), а также являлся предметом гордости и весомым атрибутом достоинства его обладателя. Он даже не шел в сравнение с русскими четырехгранными штыками разной степени сохранности, которые то и дело невесть откуда появлялись в нашем обиходе. Ими можно было лишь протыкать консервные банки или вонзать пикой в землю.

Плоское обоюдоострое лезвие (оставалось только догадываться, сколько числилось на его совести людской, фронтовой крови!) запросто рубило ивовые заросли, легко резало дерн во время игры «в ножички» и отлично, глубоко вонзалось в стволы старых верб, в дощатые двери сараев, в стены бараков, где большинство офицерских семей нашего гарнизона и проживало.

Бараки громоздились на берегу обводного канала неподалеку от Северных ворот. А деревянные одноэтажные домики, обшитые шалевкой, как их стали позже называть — финские, в шахматном порядке, квартетом были выстроены в каре и впритык приближались к шоссейке, ведущей в одну сторону в город, другим концом ныряя в проем ворот крепостного вала. Через шоссе высились громады так называемых серых многоэтажных домов.

Общение между разношерстными компаниями, разделенными по месту проживания шоссе, осуществлялось на уровне делового обмена трофеями и сравнительно редких стычек. Наличие у нас устрашающего вида холодного оружия привносило в выяснения отношений недружественных сторон особый форс, а в доводах — убедительный аргумент.

По праву «золотоискателя-первопроходца» штык принадлежал мне. Первым делом все мы по очереди учились его бросать. Наука для непосвященных немудреная, но так казалось на первый взгляд. Это только в приключенческих кинофильмах и в американских боевиках-вестернах, хлынувших на советский экран вскоре после войны, острый кинжал, брошенный суровым, но обязательно справедливым ковбоем, лихо разил коварного врага, вонзаясь ему в горло в самый критический момент киношной схватки между добром и злом.

Отправленный в убийственный полет неокрепшей детской рукой «золингеновец», вместо того чтобы вонзиться в вербу либо в дощаник барака, упорно рикошетил и, звеня, метил куда попало — в землю, в кусты. Мог вообще шмякнуться в цель плашмя, даже не задев своим острием краешек очерченного мелом круга. И так — до бесконечности.

Штык надо было метнуть таким образом, чтобы он сделал в полете пару-тройку оборотов и — вжиг — со смаком, коротким ударом, красиво впился острием как можно глубже. И мелко-мелко задрожал, вибрируя и позванивая всем лезвием вместе с массивной рукоятью.

Тут-то и заключалась главная загвоздка — бросать необходимо из-за плеча либо снизу, от колена, но достаточно сильно, держась голыми пальцами за острое жало, не задерживая его в кулаке дольше требуемого. Коварная сталь так и норовила стесать походя ладошку. И только после многочисленных неудач каждый из нас понял главное в сути успешного штыкометания — нельзя осторожничать и бояться. Уверенный замах — решительный бросок. Взгляд — точно в цель. Глаз провожает полет оружия, не дает острию клюнуть носом, свернуть в сторону и как бы вколачивает клинок в намеченную точку. Взмах. Удар. Поражение. Еще раз. До автоматизма.

Со временем мы так насобачились, что метали трофейный нож по мишени на очки, на спор, просто так — для интереса, пока не наскучит. Некоторым пацанам навыки стоили порезанных пальцев. Конечно же, эти потери мало что стоили против ощущения собственной ловкости и силы. Гораздо неприятнее было бы драгоценный трофей потерять. А произойти это могло по вполне прозаичным причинам: скуки и беспечности. Если с истечением пары месяцев интерес обладания трофейным оружием ни у кого из нашей компании не пропадал, то халатность в хранении и потеря бдительности сыграли со всеми нами в конечном итоге злую шутку — штык был реквизирован.

Впрочем, жалели мы о нем недолго — нашлись новые опасные игрушки,

новые забавы. Какой бы силы извечная мужская тяга к настоящему оружию ни будоражила наши наивные души, какая бы детская страсть казаться старше, взрослее и сильнее ни подогревалась восторгом и гордостью его обладания, любой из нас подспудно, интуитивно испытывал в самых сокровенных уголках своего сознания глубоко запрятанную неприязнь к иноземному орудию убийства.

Штык был вражеским по определению, и никакие прикладные качества и заслуги не могли сделать его по-настоящему своим, нашим. В смысле фраз: «наши наступают», «наши победили», «наши сильнее».

А чтобы скрыть разочарование и досаду от опрометчивой утраты трофея, в дворовой компании негласно решили на реквизированный штык «положить с прибором». Значение сего выражения не понимал толком никто, однако, где-то услышанное, оно считалось шикарно ухарским, хулиганским и даже матерным.

...Прошли годы. Давно уже нет и в помине одноэтажных деревянных домиков и дощатых бараков, что когда-то стояли подле обводного канала Брестской крепости в районе Северных ворот. На их месте — комплекс детского сада, современные многоэтажки. Улица Каштановая переименована в улицу Героев обороны, ее прежнее название сохранилось лишь в памяти городских старожилов. Бывшие «серые дома» иногда по многолетней привычке так же в обиходе и называются. Их нынче реконструируют, достраивают.

К знаковым, не тронутым временем символам моего гарнизонного, «крепостного» детства прибавился главный — штык-обелиск мемориала «Брестская крепость-герой». Комплекс вместе со всеми его узнаваемыми во всем мире атрибутами был открыт в 1971 году. А неподалеку от места расположения его главных монументов — головы скорбящего солдата и стометровой 620 тонной цельносварной металлоконструкции штыка, облицованной титаном, — дети командирского состава послевоенных подразделений Цитадели играли в войну. Здесь был пустырь в окружении развалин.

Находясь рядом с блестящим на солнце шпилем, стилизованным под четырехгранный русский штык, надо придерживать шапку, если попытаться узреть его острие. Издали штык Брестской крепости виден за километры.

Однажды именно на этом месте, на этой священной земле мне пришли на ум слова Ивана Ильина, русского православного философа начала XX века. Привожу их без купюр.

«Воинское дело есть трудное, скорбное и трагическое. Но необходимое и служащее благой цели. Средства его жестоки и неправедны. Но именно поэтому дух, коему вручаются эти средства, должен быть крепок и непоколебим в своем искреннем христолюбии».

Не пытайтесь, как и я в свое время, отыскивать в данном изречении сиюминутный прикладной смысл. Суть его станет понятной не сразу, а только позже, со временем, а возможно — лишь с годами. Словом — издалека. Как отчетливее и контрастнее видится всякий раз только издали штык-монумент Брестской крепости.

А еще, когда я бываю здесь, у меня начинает ныть застарелый рубец на большом пальце правой ноги.

Это дает о себе знать, напоминает о прошлом произошедшая ненароком в детские годы случайная встреча с трофейной золингеновской сталью.

Такая же незаживающая отметина в моем сердце...

Живое слово мудрости духовной

Духовная беседа «Живое слово мудрости духовной» собрала в Остромечевской библиотеке любителей чтения православной литературы.

Иерей Свято-Михайловской церкви агрогородка Остромечево Владимир Свидунович рассказал историю написания главной православной книги — Евангелия, об авторах четырех евангелистах Матфее, Марке, Луке, Иоанне. Священнослужитель дал советы, как правильно читать Евангелие. Библиотекарь Т.О. Лащевская провела обзор книжной выставки «Через книгу к добру и свету». Творчество православной мысли умиротворяет человека.

Во время чтения духовной литературы у человека не возникает чувство агрессии. Книга призывает людей обратить внимание на свой внутренний мир. Ведь самое важное, что есть в каждом человеке, это его душа. Любовь — вот главная мысль, которая проходит красной нитью через всю православную литературу. Творить добро, не забывать о тех, кто нуждается в помощи, быть милосердным, терпеливым к окружающим — вот главные принципы, по которым должен идти по жизни православный человек.

Беседа закончилась ответами на многочисленные вопросы к иерею. Почти каждый из присутствующих нашел на выставке книгу, которую захотел прочесть.

Стихи — моя стихия

Не так давно гостем Ковердякской сельской библиотеки была Светлана Ивановна Будкова, поэтесса из деревни Страдечь

Родилась Светлана Ивановна 6 февраля 1962 года в деревне Страдечь. Первое стихотворение написала в 6 лет. С тех пор Муза не покидает её. Во всех ее произведениях чувствуется искренность, чистота, открытость души.

Много стихов посвящено осени. Эта пора года дорога ей тем, что осенью она встретила и полюбила своего мужа, Сергея Будкова. Очень душевные стихи о чувствах к маме, детям. Затронута тема о смысле жизни.

Печаталась Светлана Будкова в журнале «Алеся», краеведческом альманахе «Астрамечаускі рукапіс», в районой газете «Заря над Бугом», областной газете «Заря».

Энергичной, жизнерадостной, доброжелательной — такой узнали Светлану Будкову читатели Ковердякской библиотеки.

Надолго в душе читателей останутся волнующие строки из стихотворений поэтессы:

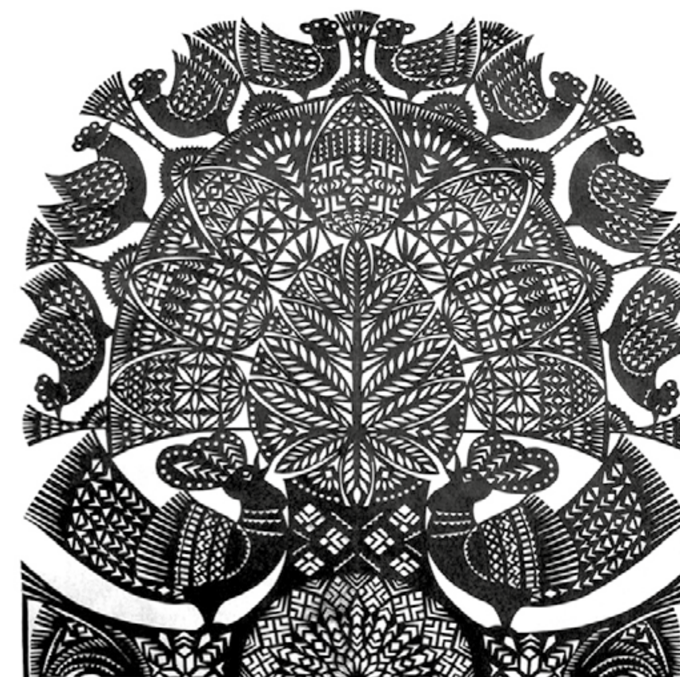
Мы часто в той спешке святое теряем.
Порою грубим, обижая других.
Тернист и извилист, конечно, путь к краю,
Но надо ценить каждый маленький миг.

Елена ЛАЗИНСКАЯ,
библиотекарь Ковердякской
сельской библиотеки

КАРАНІ

Ціна ХУТАРАНКА

Мария Андреевна

... В этом году исполняется ровно пятьдесят лет, как наш класс вышел в широкий мир со стен Чернинской восьмилетней школы.

Обычно, многочисленные одноклассники всегда встречаются во время Радуницы на нашем сельском некрополе.

В этот день там всегда столько людей! Столько людей! — У каждого креста стоит человек, а то и больше. Если б специально захотел всех собрать, то столько бы не явилось...

Ещё в прошлом году на этот праздник «дедов» я предложила для бывших одноклассников встретиться где-нибудь на независимой площадке.

— Давайте соберёмся в школе на день встречи с выпускниками и отпразднуем своё пятидесятилетие.

Многие согласились. Но через год у меня сложились непредвиденные обстоятельства, в результате которых я сама отказалась от своего предложения, и никому не стала надоедать с приглашениями.

Но всё изменил внезапный телефонный звонок.

На другом конце провода раздался голос Мартынюк Валентины из Братылова:

— Валя! Так мы собираемся на день встречи с выпускниками, или нет?

Это телефонирование пробудило меня к действию, и я начала организовывать встречу. Конечно, время было упущено, и встретиться в школе мы бы уже не смогли. До общепринятого дня оставалось всего несколько дней. Поэтому посоветовавшись с единомышленниками, мы решили встретиться в моём доме на второй день Пасхи.

— Хорошо! Я согласна! Когда-то в моей хате был выпускной вечер, то пусть сейчас состоится и эта встреча.

Одобрила я предложение и воскликнула:

— Ребята! Это последнее, что мы можем ещё себе позволить!

Приглашение, отпечатанное на компьютере, мною было разослано всем по почте, а самым близким позвонила по телефону.

Девчата из нашего класса повыходили замуж и их фамилии изменились, а некоторые переехали жить в другие места республики и за её пределы.

Одним словом, на поиск адресатов было затрачено много дней, которые сами собой сложились в недели. Самой загадочной со всех оказалась наша Нина.

Я хорошо знала, что она живёт в замужестве где-то в пригороде, но ни новой фамилии, ни её подробного адреса я не знала.

Свой поиск пришлось начать с сельсовета. Секретарь мне посоветовала найти в том пригороде уроженку нашего села — Марию Андреевну:

— Именно эта женщина и поможет вам в поиске одноклассницы. Они обе живут на одной и той же улице.

От одного — к другому, как говорят, через пятые-десятые руки, но я наконец-то узнала номер телефона Марии Андреевны и позвонила ей. Женщина долго думала над поставленным мною вопросом:

— Не-ет... Такой Нины у нас нет.

— Она у вас живёт в замужестве. Муж её — Николай! Но к сожалению, я не знаю его фамилии. — не успокаивалась я.

Женщина ещё немного подумала, и наконец догадалась:

— Это Нина Гречко! Они живут в другом конце нашей улицы, но номер дома я и не знаю. Приезжате ко мне, и я вам покажу их хату.

Прошло некоторое время.

Наконец-то весна полноправной хозяйкой вошла в мир, растопив жарким солцем все зимние снега. Велосипедная дорожка через городскую зелёную зону высохла и стала удобной для езды. Был уже месяц март. В один из его солнечных дней я отправилась в велопутешествие на поиски одноклассницы.

В пригороде нашла дом Мариии Андреевны, открыла калитку и вошла в её двор. Как настоящий хозяин, первым меня приветствовал громким лаем большой пёс.

— Ну, привет! — сказала я ему, смело глянув в собачьи глаза.

Пёс успокоился, доброжелательно завилял хвостом и пропустил меня к крыльцу. Не спеша, я вошла на веранду и постучала в дверь. Через несколько минут мне открыла худенькая, серьёзного возраста, хозяйка.

— Вы Мария Андреевна? — задала я вопрос женщине.. — Да... — нерешительно оветила она, увидев перед собой незнакомку.

— А я Валентина из родной вашей деревни. Помните? Я вам однажды звонила по поводу поиска своей одноклассницы.

Глаза хозяйки сразу засветились радостью:

— Это мне вас Бог послал! Все ваши очерки я читаю в нашей «Заре над Бугом»! Восхищаюсь смелостью и правдивостью повествования и давно мечтаю встретиться с вами, чтоб рассказать о своём военном детстве. О своём отце, которого фашисты расстреляли где-то вместе с евреями.

Мария Андреевна с внучкой

К тому же, у меня есть много старинных фотографий.

Я внимательно слушала взволнованный и отрывистый рассказ Марии Андреевны и радовалась:

— Благодаря случаю, мне открылась ещё одна интересная и неизвестная до этого страничка из истории моего села! Когда женщина высказалась и притихла, я сразу ей предложила:

— Мария Андреевна! Вы мне сделайте наброски своих воспоминаний. Например: вы сегодня вспомнили арест отца, и сразу запишите пару предложений. Завтра на память пришло ещё что-то, вы пару слов о тех событиях. И так далее... Таким образом будет создан макет вашего повествования.

Когда всё будет готово, позвоните мне, я приеду и со временем дам жизнь вашей истории.

На этом мы распрощались. Я взяла велосипед и поехала на поиски Нины.

Летом, как-то проезжая в тех местах, я свернула к дому Марии Андреевны. Мы встретились во дворе.:

— Ну, как наши дела?! — спросила хозяйку.

— Никак! Всё нету времени на записи. Может зимой найду свободную минуту...

— Что ж нет, так нет. Буду надеяться! — сказала я на прощанье и вышла со двора.

Уже как-то зимой, на «Калядьы», я вновь осмелилась и потревожила Марию Андреевну.

— Во-первых, с Новым годом вас! Здоровья и успехов в жизни! А во-вторых, как воспоминания?

— Ой! Никак! У меня был инфаркт, и я лечилась в больнице... Мне теперь тяжело заниматься писаниной. А к тому же я подумала: «А зачем и кому это надо? Всё давно стало небытиём. Даже из свидетелей уже нет никого в живых...»

Я молча выслушала протест, хотя выражая его, женщина бросила несколько откровенных реплик:

— Я — дитя войны! Я помню, как арестовывали отца!

А помолчав минуту, с грустью добавила:

— Но это уже никому не надо... — и попрощалась со мной.

В трубке раздались короткие гудки, а мне стало как-то неприятно...

— Что ж надо уничтожить написанное. — решила я и подошла к своему рабочему столу. Решительно включила компьютер и открыла страничку с заглавием «Мария Андреевна». Намерилась удалить записанное, но вдруг спохватилась:

«Надо записать то, что она мне рассказала, а потом вызвать её на откровенный разговор по телефону».

И так — это очень грустная история...

Красавца Андрея Полещука в селе называли «Безручкой». До несчастного случая, этот энергичный молодой мужик был довольно-таки успешным человеком. Служил в царской армии в

А.С. Полещук в центре на мотоцикле в царской армии

каком-то мобильном отряде, о чём свидетельствует фотография тех времён. За него пошла замуж даже важная поповна.

После всех войн вернулся домой и устроился на железную дорогу. Там работал сцепщиком вагонов и имел неплохие средства для содержания семьи.

Но как говорят люди: «За горем ходить не надо! Оно не спросясь, само приходит...». Так случилось и с Андреем.

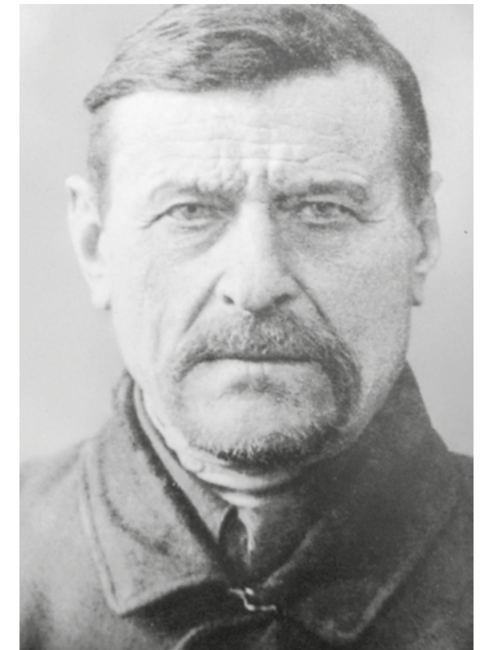
Однажды, во время работы, он не успел во время убрать руку, и её зажало между буксами вагонов. Страшная боль обожгла тело, и из груди вырвался истошный крик. Пока вагоны развели, рука посинела, распухла и стала чернеть. В городской больнице, молодому рабочему отрезали раздробленную руку по плечо. Так с той поры Андрей стал одноруким, а в селе прозвище «Безручка» стало почти его фамилией...

Как известно, во все времена, молодёжь всегда стремилась к чему-то передовому и вдохновлялась новыми идеями...

При «польском часе» на нашей земле действовала подпольная партия большевиков, которая в народе сеяла зёрна сопротивления против власти Пилсудского. Организатором подпольщиков в округе был Савоневский.

Молодые хлопцы, попав под его влияние, записывались в большевитскую партию и ходили вечерами на тайные «сходки». Записался туда и Андрей.

Подпольщики втихомолку собирались где-нибудь на задворках, в чьей-либо клуне и читали листовки, восхваляющие революцию, которая должна принести угнетённому народу свободу. Эти прокламации воспевали жизнь в советской России, как будущий рай, и призывали к активным действиям и борьбе с польской властью.

Полещук Андрей Сидорович

В летнюю пору, на большевитские маёвки, все подпольщики сходились за селом в берёзовой роще, и под красным знаменем там пели «Варшавянку». Прознав про эти сборища, польская конная полиция налетала на толпу и резиновыми дубинками разгоняла собравшихся. Хлопцы разбегались кто-куда. Самые смелые оставались на месте и выкрикивали антипольские лозунги.

«Полицыянты» арестовывали их и садили в «холодную» Гмины под замок. Молодёжь, сидя там на голом бетонном полу пела: «Вставай проклятьем заклеймённый весь мир голодных и рабов...» Бывало и в«холодной», чтобы успокоить певунов, по их спинам ходила резиновая «гума». А через пару дней, когда революционная прыть в голодных желудках остывала, то присмиревших хлопцев выпускали на волю.

В той Польше действовал закон: «Если человек, хотя бы единожды был арестован полицией, то он пожизненно лишался избирательских прав».

Так подпольщики, будучи польскими подданными, становились в своём государстве вне закона.

Андрей, как и все сельские партейцы верил в большевитские идеи, верил, что советская власть, придя в наш край, даст народу желанную свободу.

В 1939 году, после прихода первых Советов, все подпольщики оказались в рядах местной власти. Кто стал председателем сельсовета, кто секретарём, кто милиционером, а Андрея, как большого активиста назначили молокосборщиком.

Его даже посылали на обучение этому делу на ближайший молокозавод. Казалось бы занятие — простое, но надо было уметь грамотно вести учёт и определять жирность принимаемого молока. Учёт и точная бухгалтерия были основными критериями советской власти, которая всё глубже укоренялась и диктовала свои законы.

Но как известно из истории, 22 июня 1941 года на нашу землю вторглись фашисты. Спустя некоторое время, оккупанты занялись истреблением евреев, советских активистов и подпольщиков.

В чёрный список по доносу некоего «К» попал и Андрей. Доносчик его обвинял в связи с партизанским движением:

— Я видел, как к «Безручке» приходили несколько раз незнакомцы! — утверждал «К» в немецкой комендатуре, расчитывая на большое денежное вознаграждение.

Да и маленькая Маня, заглянув однажды в сарай, увидела спящих в сене чужаков.

Сразу выскочила назад и побежала к отцу с громким криком:

— Тату! Тату! У нас на сене какие-то люди!

Тот приложил палец к губам и строго приказал:

— Т-ш-ш... Молчи! Ты никого не видела и ничего не знаешь...

На всю жизнь маленькой Мане запомнилось, как однажды во двор вошли в чёрной форме четыре эсесовца с закатанными по локоть рукавами.

Никто из хозяев не ожидал их вторжения. Все занимались своими делами, не подозревая о нагрянувшей беде. Старшая сестра Мани в тот момент что-то делала возле хлевушка.

Один из фашистов, увидев её, крикнул:

— Kom zu mir!

И тут же направился к девушке. Схватил её за руку и потянул во внутрь сарайчика.

Поняв, чем всё это закончится, Ганyся стала кричать и звать на помощь. На крик из хаты выскочил отец:

— Что тут такое?!

Все четыре эсесовца сразу направились к Андрею. Ганна схватила маленькую Маню на руки и побежала к соседям:

— Дядечка Казмир! Спасите! Спрячьте нас где-нибудь от немцев! А то они меня «згвалтують»...

Сосед впустил Ганну с малышкой в хату и закрыл дверь на засов.

— Не бойся! Тут они тебя не тронут...

Эсесовцы арестовали Андрея, заломили за спину руку и погнали под дулами автоматов в Гмину. Назад в семью он больше не вернулся.

С Гмины его отправили в «гестапо», которое размещалось в городской тюрьме, где долго мучили, выбивая нужные им показания. Но Андрей, как настоящий большевик, упрямо молчал...

О местонахождении мужа, жена арестованного узнала от фашистского коменданта на следующий день. В тюрьму с передачами для отца, она несколько раз посылала старшую дочку Ганусю. Девушка носила молоко, хлеб и яйца. Получал ли их отец — неизвестно. Быстрее всего, что продукты съедали сами охранники. А через месяц Ганне совсем было отказано в приёме передач:

— Gei zurujk! Dein Fater ist tot.

После ареста Андрея хата опустела. Всюду не хватало его мудрого руководства.

В семье было пятеро детей. Всеми мужскими обязанностями стали заниматься Манины старшие братья сами. Для большой семьи ежедневно нужно было пропитание, нужны были дрова и сено для коровы...

Мать, потрясённая арестом мужа, не смогла перенести тяжкий удар. Внезапно заболела и слегла. А через три месяца её не стало. Все дети в один миг стали круглыми сиротами.

Похоронить мать помогали им соседи, родня и все сочувствующие односельчане.

Обрядили покойницу в то, что было в сундуке.

Мужчины в складчину смастерили гроб и крест. Все они несли из своих хозяйских припасов кто доску, кто гвозди, кто пришёл с пилой, а кто с рубанком, и делали общее дело. Женщины, по закону, читали «Псалтырь». На другой день позвали сельского священника, и тот произвёл чин отпевания. После чего гроб отнесли на кладбище и похоронили.

С сельского некрополя сироты пришли домой, в онемевшую и оглохшую хату. Обнявшись, все пятеро долго сидели на лавке у пустого стола и горько рыдали. Солёные слёзы сами текли из глаз. Сидели так до тех пор, пока не иссякла вся душевная боль, и не пересох слёзный ручей...

Что ж, пришлось всем привыкать к сиротству. За хозяйку и командира в семье стала старшая сестра Гануся. Она уже была невестой, но по сложившимся обстоятельствам, ни о каком замужестве для неё не могло быть и речи.

Как главную в семье, девушку даже не взяли фашисты, когда вывозили молодёжь в Faterland, в качестве бесплатной рабочей силы. Хотя всем её трём братьям пришлось, долгое время, скрываться от облав по лесам, и жить на хуторах в Лещине.

Даже, когда этот страх закончился, и хлопцы вернулись домой, они всё равно, открыто на людях нигде не появлялись.

Братья с сестрой, как могли, так и обрабатывали землю. Сеяли жито и сажали картофель. А в основном ходили по «наймам». Порой работали только за то, что покормят... В такие моменты меньшая Маня оставалась дома за хозяйку.

Сейчас, вспоминая то тяжёлое военное время, она с болью в душе говорила:

— Всё детство помнится мне полуголодным и нищим... Всё время мечталось только о том, чтобы что-то поесть... Особенно после того, как фашисты забрали со двора корову. Тогда вся семья лишилась последнего — молока! С приходом весны, Гануся варила нам суп со щавеля и крапивы. А самым любимым местом в хате была для нас всех печка, где можно было отогреться...

В 1944 году Красная Армия прогнала фашистов и в наш край пришла советская власть. Всех трёх Маниных братьев Советы сразу мобилизовали в армию. Но им повезло! Все трое, с боевыми наградами, в конце войны вернулись живыми в село.

Люди восстанавливали разрушенную войной жизнь. Молодые хлопцы женились и создавали семьи.

— Все три мои брата были писаными красавцами! — с восхищением рассказывала мне Мария Андреевна по телефону. А тяжело вздохнув, добавляла:

— Но все были с подорванным войною здоровьем. Это и было причиной их скромности и нерешительности. Они создали семьи, но уже в серьёзном возрасте, когда каждый из них устроился работать где-то в городе и стал зарабатывать деньги.

Когда Мане исполнилось семь лет, она пошла в первый класс сельской семилетки. Училась хорошо. Выделялась со всего класса озорным характером и внешней красотой.

Ещё в школьном возрасте у неё появился кавалер из соседнего села. Звали его Петром. Всех ребят, кто старался уделять ей внимание, разогнал. Напористо вызывал всех на откровенный разговор:

— Это моя девушка! Только начни за ней ухаживать — убью!

Вечерами он велосипедом приезжал к Мане на свидания.

— Что ни говори, а это была первая наивная любовь. — вспоминала Мария Андреевна. .— А это и первый поцелуй, и первые ласковые слова...

Полещук Евгений Андреевич (внизу слева) в КА.

Прошло несколько лет, и жених решил представить свою возлюбленную, как невесту своим родителям. Мать, узнав о её сиротстве и крайней бедности, заявила Петру:

— Ты что?! Лучшую дивчину не можешь себе найти? Надо чтоб богатая была, чтоб было с чего вам жить!

И не разрешила сыну жениться. Он был глубоко огорчён и расстроен.

Но, в то время всё в жизни решало родительское слово, а идти против воли матери парень не решился. Спустя время, переболев и перестрадав, он рассказал своей избраннице о родительском несогласии:

— Мать не даёт мне благословения на свадьбу с тобой... Требует, чтоб я женился на богатой...

Такая откровенность Петра привела тогда Маню в отчаяние. Голова пошла кругом... Она развернулась и медленно пошла домой. А в хате, упав на постель, дала волю горьким слезам...

— Предатель! Самый настоящий эсесовец! — шептали раз за разом девичьи губы.

Петро долгое время не женился. Спустя годы, будто назло родичам, пристал к какой-то вдове с двумя детьми и стал с нею жить. Мать опять тогда взбунтовалась:

— Зачем тебе чужие дети?! То уже лучше бери себе в жёны ту полюбившуюся «бедоту»...

Но дорога ложка к обеду, а не после его...

Время ушло, и сын ничего не захотел больше менять в своей жизни. Он навсегда остался жить в примаках.

Долгое время Маня была опечалена таким выпадом несостоявшейся свекрови. В отвергнутую душу закралась неуверенность в себе. Девушка стала стесняться новых знакомств и сторониться ребят, напрашивающихся в кавалеры.

Свадьба Евгения Полещука 1960 г

— Нищенка никому не нужна! — внушала она себе, получив однажды серьёзный отказ.

Успешно закончив семилетку, девушка стояла перед выбором:

— Куда податься дальше? В город? Или идти в колхоз и работать там за «палочку»?

А девушке хотелось невеститься, хотелось иметь красивое платье и туфли...

— Что делать?

Помогла старшая сестра Ганууся. Она сходила к председателю сельсовета и выплакала для неё «вольную».

— Дайте, пожалуйста, документ! Маня хочет идти учиться. И к тому же, её отца расстреляли фашисты!

Последняя фраза и стала главным аргументом просьбы. Желаемая справка была выдана, и с ней девушку приняли санитаркой в городской тубдиспанцер.

Работая там, она поступила на учёбу в медучилище. А закончив его, стала работать медсестрой. Всё это время жила в городе на съёмной квартире. Денег, как всегда, не хватало. Но какую-то одежду, всё же приобрела, и иногда летом ходила с подружками в городской парк на танцы. Там и познакомился с ней парень из пригородного села. Некоторое время они встречались, а осенью Костя сделал Мане предложение. Они расписались и скромно отпраздновали свою свадьбу. Красавец жених был таким же бедняком, как и сама невеста. Привёл молодую жену в старенькую маленькую хатку, при этом уверенно обнадёжив свою избранницу:

— Приложу все усилия, и со временем мы построим себе новый и большой дом.

Как бы оно вышло на самом деле? — Неизвестно. Наверное, пришлось бы

много работать, экономить и медленно возводить стены нового жилья. Через годы что-то было бы и построено...

Но, как говорят, все униженные, сироты и вдовы находятся под защитой Бога.

Так произошло и с Маней...

Продолжение этой удивительной истории о Марии Андреевне началась ещё в далёкие от нас двадцатые годы.

Марыся, старшая сестра Андрея «Беззручки», нанялась служанкой к городским евреям. Проживая там, красавица познакомилась с парнем из пригорода. Со временем они поженились и стали жить в доме его родителей.

В те годы в городе активно действовало еврейское товарищество по вербовке желающих выехать на работу в Америку. Молодёжь, имеющая какой-нибудь достаток, платила той «суполке» деньги, подписывала составленный контракт и отплывала в сопровождении её членов за океан.

Это всем понятно, что каждому человеку хочется жить лучше и богаче! Ведь не зря говорят: «Рыба ищет воду поглубже, а человек место получше...»

Записался в список, выезжающих в Америку, и муж Марыси.

В их семье только-только родился ребёнок, и молодой отец не решился брать с собой жену с младенцем.

— Когда я обживусь там, тогда тебе дам вызов, и ты приедешь ко мне. Да и наш малыш к этому времени подрастёт.

Марыся согласилась и проводила мужа на вокзал до самого вагона. При расставании, они обнялись и расцеловались.

— Жди от меня письмо! — крикнул ей муж, вскочив на подножку вагона.

Паровоз свистнул, выпустив огромные клубы белого пара, закрутились колёса, и поезд повёз завербованных на побережье Балтийского моря.

Через день гастарбайтеры прибыли в портовый Гданьск, а оттуда на корабле все отплыли в далёкую Америку.

Марыся часто получала письма из-за океана, но муж всё не торопился вызывать её к себе. В «Новом свете» он обосновался в городе Детройте. Был принят там рабочим на автомобильный завод, выпускавший легковые автомобили марки «Детройт», созвучные названию города. В каждом письме он объяснялся в любви к жене и кратко рассказывал о всех трудностях своей заморской жизни.

— Любимая! Когда соберу денег, чтоб можно было снимать какую-нибудь комнату, то тогда ты приедешь ко мне, и мы будем вместе. А пока я живу в обыкновенной ночлежке для бездомных...

Прошло года три. Наконец муж прислал Марысе деньги и документы на выезд из Польши в США. Счастливая, она быстро собралась, и полная радужных впечатлений, отправилась к мужу.

Заехала в Детройт и первое, с чем пришлось столкнуться, это незнание языка. Кругом всё чужое! Люди говорят, а она не понимает ни единого слова. Постоянного жилья нет! На автомобильном заводе муж работал всего лишь чернорабочим. Но самым страшным оказалось то, что он был тяжело и неизлечимо болен, о чём признался во время первой встречи:

— Моё время подходит к концу... Я вызвал тебя сюда, чтобы ты досмотрела и похоронила меня...

Марыся была в ужасе! После услышанного, ей хотелось ему заявить:

— Зачем ты меня сюда притянул?! Делая это, ты подумал обо мне и нашем ребёнке?!

Но она ничего не сказала. Глаза затуманились слезами отчаянья, и только выйдя на улицу, молодка разрыдалась вслух, сказав самой себе:

— То такая судьба...

Как истинная христианка, молодая жена понимала, что должна выполнить свой последний супружеский долг. Всё так, но каждый её новый день начинался с вопроса: «Чем накормить семью?» Деньги, собранные мужем быстро таяли.

Именно состояние безутешности и подтолкнуло Марысю к решительным действиям. Она немедленно начала искать себе работу. Но столкнулась с тем, что куда бы она не обращалась, её никто нигде не понимал!

Тогда молодка попросила написать на картонке по-английски: «Ищу работу!» и стала ходить везде с этой рекламкой.

Не сразу, но ей всё же повезло. Однажды Марыся открыла дверь в небольшую забегайловку типа кафе и, подойдя к прилавку, протянула бармену картонку со своей просьбой. Тот прочитал, глянул на красавицу и спросил по-английски:

— Ты что глухонемая?!

В ответ молодка только прожестикулировала руками: «Мол ничего не понимаю» и заговорила по-польски:

— Пан! Я шукам працу!

Услышав знакомую речь, хозяин улыбнулся и заговорил на понятном языке:

— Я вазьму цябе прыбіральшчыцай. Згодна? Гэта ўсё выконвала мая жонка, але яна зусім хворая, і мне патрэбна яе замена. Будзеш мыць і прыбіраць посуд. А ў канцы дня — падлогу і ўсё памяшканне.

Марыся обрадовалась тому что нашла работу и тому, что на рабочем месте отсутствует языковой барьер. С того времени она и её малыш больше не голодали, а за заработанные деньги, её семья смогла нанять отдельную комнату для жилья.

Прошло некоторое время, и Марысин муж умер. С той поры она осталась одна-разъединственная в чужом мире и с ребёнком на руках.

— Господи! Помоги мне выжить! — каждый раз она молитвенно обращалась к Богу.

И наверное, Всевышний услышал её...

Молодая и энергичная красавица приглянулась овдовевшему хозяину кафе. Сам он был уже в серьёзном возрасте, а молоденькая Марыся, годившаяся ему почти в дочки, удивляла его неутомимой трудоспособностью. Была у него от первого брака дочь, но та была ещё подростком, и к тому же, ей надо было ещё закончить школу, а дальше поступить в университет, чтобы получить хорошее образование.

— А кафе?! Кафе станет для Хели тупиком, в который она сможет вернуться в любом возрасте. — рассуждал отец, думая о будущем дочки.

Был этот хозяин переселенцем из далёкой польской Пружанщины, и звали его Афанасием. Первое время он крепко горевал, что умерла не только любимая женщина, но и опытная хозяйка.

Общаясь с нанятой уборщицей, пружанец понял, что именно такая особа могла бы заменить ему умершую жену. К тому же, у них не было языкового барьера! Они понимали друг друга не на языке жестов, а со слов. И мужчина сделал молодке предложение. Та обрадовалась, и сразу же дала согласие на замужество:

— Конечно, я согласна! Господи! Спасибо тебе! Теперь у меня будет крыша над головой, и мой ребёнок не будет нуждаться...

Так Марыся вышла во второй раз замуж и стала вместе с мужем хозяйничать в его кафе. Не покладая рук трудилась с утра и до ночи. Сама готовили еду, сама мыла и убирала посуду.

На отдых отводилось пару ночных часов.

После нескольких лет такой напряжённой работы, Марыся с Афанасием расширились, перестроив своё кафе в шикарный ресторан. Уже с открытием его, они стали пользоваться наёмными рабочими. Ресторан стал приносить большую прибыль, за которую в дальнейшем хозяевами и была приобретена гостиница в Маями.

От второго брака в семье не было детей. Будущими наследниками становились сын Марыси и дочка Афанасия. Ещё при жизни отец завещал для Хели половину своего состояния.

Уже в Хрущёвскую оттепель, Марыся иногда стала посылать письма на Родину. Из полученных ответов она узнала, о судьбе брата Андрея и о бедственном положении осиротевших племянников.

Как ни хорошо человеку на чужбине, но магнит родной земли не даёт покоя.

После смерти Афанасия, Марыся унаследовала часть его имущества. К этому времени сын её женился и подарил ей двух внуков. Бабушка смотрела на них с большой надеждой на будущее.

Но не так всё в жизни бывает, как человек предполагает...

Один из юнцов покатился по наклонной, и в раннем возрасте умер от передозировки снадобья. Отец крепко переживал о нелепой смерти сына, и вскоре умер сам от сердечной недостаточности. Вышел на крыльцо дома и упал замертво. Его сердце не выдержало мощного удара, нанесённого кончиной баловня.

Невестка через три года после смерти мужа вновь вышла замуж, и с той поры Марыся осталась жить с одним внуком.

Одиночество в возрасте стало тяготить женщину. Здоровье резко пошатнулось. Пришлось перенести тяжёлую операцию. В таком состоянии Марыся всё чаще стала вспоминать Родину, ностальгия по которой завладела её душой и никак не отпускала. Одно за другим она стала писать письма племянникам.

Перепиской с ней занялась самая грамотная из них — Маня.

Молодая женщина не стеснялась и рассказывала в посланиях за океан о безденежье и большой нужде своих братьев и сестры. Как-то расчувствовавшись над полученным письмом, тётка оформила все документы и сделала в 1972 году ей вызов в США.

А здесь!

Маней сразу заинтересовалось КГБ. Её несколько раз вызывали на собеседование:

— Заедешь в Детройт, и бери всё, что даст тебе тётка! Видишь ли, ей там крупно повезло, и она разбогатела! Но ты гражданка СССР! И мы не разрешаем

тебе оставаться там, на постоянное место жительства. Если сделаешь это, то детей в Америку мы тебе не отдадим!

— Я не могла ослушаться... Жалко было детей. — повествовала Мария Андреевна по телефону новый отрывок своей истории. — Хотя, тётенька меня слёзно упрашивала: «Маня! Останься! Я тяжело болею, а ты досмотришь меня и получишь часть наследства...»

К тому времени американская тётушка перенесла инсульт и плохо ходила. В основном передвигалась в инвалидной коляске и нуждалась в уходе. Ей было уже за восемьдесят лет. Но она одела, обула меня, купила мне в подарок машину и дала разрешаемую для вывоза сумму долларов.

С Америки я вернулась богатой! В то время редко у кого был «Москвич», а я первая здесь ездила на иномарке.

Через года два тётя Марыся приезжала сюда сама. В свой приезд она подарила мне ещё денег, и мы с мужем достроили свой домик, со вторым этажом под крышей.

Сейчас, по сравнению с добротными коттеджами, строящимися вокруг нас, он уже смотрится, как старенький дедушка...

Время же проносится молниеносно! И так же мгновенно всё меняется в нашей жизни и быте. Жаль только одного: «Время летит, а мы — стареем... Друг за другом уходим туда, откуда ещё никогда никто не вернулся...»

Мария Андреевна на пару мгновений замолчала, а потом, как бы встрепенувшись, воскликнула:

— А тогда, в семидесятые годы, я была счастлива! Я просто летала! Мне казалось, что у меня за спиной выросли невидимые крылья.

Жила же до этого в нищете и вдруг — разбогатела...

Именно в тот момент мне всё хотелось написать той своей первой любви письмо:

— Ты, со своей матерью, побрезговал моей бедностью, а теперь я богаче вас всех!

Несколько раз я что-то и начинала писать, но каждый раз рвала написанное в клочья.

— Не стоит посылать писем в прошлое...

8.03.2019 г.

Надзея ПАРЧУК

Праз канцлагеры і турмы

Нарыс

11 красавіка адзначаецца Міжнародны дзень вызвалення вязняў фашысцкіх канцлагераў.

Мікалай Мікалаевіч Пігараў гэтую дату ніколі не забывае: што такое фашысцкія засценкі, ён зведаў на сабе — на зары свайго юнацтва, апаленага Вялікай Айчыннай вайной, паэтапна прайшоўшы праз шэсць канцлагераў і тры турмы. Не раз чорная смерць заглядала юнаку ў вочы, але нейкія добрыя сілы ці святая малітва маці адводзілі яе ад маладога вязня.

Нарадзіўся Мікалай Мікалаевіч у 1927 годзе, у вёсцы Верхняя Ашкова Калужскай вобласці. Калі пачалася вайна, яму толькі што споўнілася 14 гадоў.

Фашысцкія захопнікі ўварваліся ў вёску ў кастрычніку 1941 года і адразу сталі наводзіць свае парадкі. А неўзабаве да хаты Пігаравых пад'ехала машына з карнікамі, якія арыштавалі бацьку, калгаснага брыгадзіра, і за вёскай расстралялі. Не ведаючы, што таго ўжо няма ў жывых, маці адпраўляе Міколу ў райцэнтр да нямецкага штаба на пошукі бацькі.

На плошчы райцэнтра г. Жыздра юнак убачыў вырыты катлаван, а на дне — пасечаных кулямі людзей. Бацькі сярод іх Мікола не знайшоў. Гэта было кіраўніцтва раёна. Хаваць забітых нікому не дазвалялася... Не падпусціла паліцыя падлетка і да турэмных варот.

Калі ж Мікола вярнуўся дахаты, дык даведаўся, што іх дом забраны пад нямецкую камендатуру. У голадзе, холадзе і страшнай галечы прабедавалі вяскоўцы два ваенных гады, а ў лютым 1943-га пачалося наступленне Савецкай Арміі. Азвярэлыя фашысты пачалі яшчэ больш здзекавацца з безабароннага насельніцтва. Адгарадзіўшы калючым дротам вялікую тэрыторыю, яны пачалі зганяць туды з усіх навакольных вёсак мірных людзей і ваеннапалонных. Прама пад адкрытым небам без вады і ежы трымалі іх некалькі дзён, а потым падагналі цягнік, раздзялілі ўсіх арыштаваных на групы (Міколу чамусьці штурхнулі да ваеннапалонных), загналі ў вагоны і павезлі на прымусовую працу.

На Браншчыне іх высадзілі з вагонаў, загналі зноў за калючы дрот, дзе разбілі па групам. На другі дзень яго і яшчэ 12 хлопцаў пагналі на лесапавал. Будзілі вязняў у шэсць гадзін і да цямна прымушалі працаваць. Выдзялялі на дзень лустачку хлеба з драняным пілавіннем, драбочак маргарыну і кубак жалудовага кофе.

Украсавіку Міколе і яшча двум падросткам удалося збегчы з гэтага лагера. Чатыры дні блукалі хлопцы па бранскіх лясах, харчаваліся жалудамі. Нарэшце ім удалося выйсці да незнаёмай вёскі. Каля калгаснага свірна сядзелі і грэліся на сонейку некалькі рускіх жанчын. Хлопцы падышлі да іх, павіталіся і папрасілі есці. Адна жанчына павяла да сваёй хаты Міколу, другая — яго малодшага сябра, а старэйшы Ваня прыхаваўся за вёскай. Не паспеў Мікола паднесці да рота лыжку, як пачуў каманду: «Рукі вверх!..»

Быў схоплены паліцаямі і другі падлетак. Пад дуламі аўтаматаў іх адвялі ў камендатуру, адтуль перапраўлі ў Бранск, дзе пасадзілі ў адну турэмную камеру. І зноў кожны дзень ганялі на працу, кармілі такім жа хлебам з пілавіннем і давалі чарпак бураковай полыўкі без солі. «Вып'еш яе, — успамінае Мікалай Мікалаевіч, — і як нічога не еў...» Людзі ў камеру то прыбывалі, то знікалі назаўсёды.

Па меры прыбліжэння фронту дарэмную рабочую сілу Гітлер адцягваў усё глыбей у тыл. Забралі з турэмнай камеры і Пігарава з сябруком і адправілі на захад. Мікалай Мікалаевіч не памятае колькі дзён таварны цягнік імчаў іх на чужыну. Але за ўвесь час дарогі толькі адзін раз прыадчыніліся дзверы вагона, і ахоўнікі кінулі ім торбачку з сухарамі. Мужчыны пералічылі кавалачкі хлеба і раздзялілі іх пароўну. Кожнаму дасталося па два сухарыкі. Мікола прагна пазіраў на такія жаданыя кавалачкі чорнага хлеба, аднак есці іх не мог: кроваточылі дзёсны і ад смагі сутаргай звяло сківаці...

Іх правезлі праз усю Беларусь, Польшчу і спыніліся ля граніцы з Германіяй, дзе знаходзіўся лагер смерці Заксенхаузен. Цягнік падагналі бліжэй да лагерных варот. Дзверы вагона расчыніліся, і кожны вязень прайшоў праз строй узброеных да зубоў эсэсаўцаў пад злосны брэх нямецкіх аўчарак на тэрыторыю лагера. Затым вароты яго зачыніліся, пачалося новае перасартаванне людзей. Адных адбіралі і вялі па чарзе ў лазню, другіх — у крэматорый, з труб якога валіў чорны дым. Кожны ведаў, куды ідзе. Пігараву пашчасціла: ён трапіў у першую калону, а вось ягоны сябрук, у якога было горшае здароўе, — у калону смяротнікаў...

Пасля гэтага канцлагера быў горад Эссен, дзе кожны дзень рускіх рабоў выстаўлялі на пляц для продажу. Міколу, маладога раба, на трэці дзень купіў фермер і павёз пакупку на трамваі да сваёй гаспадаркі, дзе адразу юнаку ўручылі вілы і загадалі «арбайтэн». Практычныя немцы ў першы дзень забралі ад яго больш-менш нармальную вопратку і абутак, а ўзамен далі латанае-пералатанае адзенне і драўляныя калодкі. Малады раб выконваў усю цяжкую і брудную працу. У фермера быў вельмі строгі парадак: у 6 гадзін — пачатак працоўнага дня, у 20 — канец, 30 хвілін выдзяляліся на абед. Амаль год праслужыў Мікалай у фермера, а потым яго, як і шмат іншых прымусоўцаў, вызвалілі амерыканцы.

Напрыканцы вайны існавала такая практыка: саюзнікі абменьваліся ваеннапалоннымі. І Пігараву пашчасціла трапіць у адну з такіх груп. Хутка ён апынуўся на роднай зямлі, але ступіўшы на яе, Мікалай тут жа пападае зноў за калючы дрот. Цяпер ужо свае следчыя

вядуць працяглыя і строгія допыты. У лістападзе Міколу адпраўляюць у лагер, што быў пад Ковелем. Некалькі тыдняў трымалі іх пад адкрытым небам, а потым адабралі 30 чалавек, у тым ліку і Пігарава, і адправілі ў Данбас на шахты. З Мікалаем у шахце адбыўся няшчасны выпадак: ваганетка з вугалемз'ехала з рэек. Ставячы яе зноў на рэйкі, юнак атрымаў траўму. Давялося перанесці аперацыю, пасля якой камісія дала заключэнне: «Вывесці з шахты».

Пасля Данбаса Мікалай Мікалаевіч закончыў два інстытуты, працаваў на чыгунцы брыгадзірам, майстрам, прарабам. Пад яго адказнасцю была ўся электратэхніка лініі Масква-Байкал.

У 1977 годзе ён разам з жонкай Софьяй Іванаўнай пераязджае з Чалябінска ў Брэст на пастаяннае месца жыхарства, дзе ўжо жылі яго брат, сястра, пляменнікі. Хутка Мікалай Пігараў уладкаваўся на працу, лёгка ўліўся ў новы калектыў, атрымаў кватэру...

У жніўні 2004 года не стала ягонай жонкі, і Мікалай Мікалаевіч застаўся адзін у сваёй кватэры. Пасля перанесенага інсульту, ён стаў дрэнна бачыць, атрымаў I групу інваліднасці па зроку. Але аб ім клапоцілася чулая і спагадлівая маладая жанчынка — Роза Рыгораўна Аберган — так паважліва называў ён свайго сацыяльнага работніка. Мікалай Пігараў карыстаўся паслугамі спецбібліятэкі-філіяла №12 г. Брэста. Яго часта наведвалі загадчыца ўстановы Людміла Валюшка, бібліятэкар Лілія Крычко, валанцёры, яму часта тэлефанавалі творчыя людзі, сябры, знаёмыя. Мікалай Мікалаевіч, пакуль мог, і сам частапрыходзіў на дапамогу тым, хто меў ў ёй патрэбу. Нягледзячы на шматлікія жыццёвыя выпрабаванні, яго сэрца не ачарсцвела — яно заўсёды было адкрыта для добрых і шчырых людзей. Памёр Пігараў Мікалай Мікалаевіч на 90-м годзе свайго жыцця, у 2016 годзе.

Старонкі гісторыі

Хозяйственные постройки деревни Остромечево первой половины XX века.

Полезная старина:

Из исследовательской работы ученика Остромечевской СШ Андрея МАРЧУКА (рук. Н.В. МАРЧУК, учитель истории)

В материальном культурном наследии Беларуси видное место занимает народное зодчество. Под влиянием политических и социально-экономических факторов, этнических традиций, природно-климатических условий на протяжении столетий в Беларуси сложилась своеобразная практика возведения крестьянских жилищ и хозяйственных построек, отличавшаяся особыми традиционными приемами застройки, планировкой и архитектурно-художественными решениями. Здесь ярко проявилось умение народа просто и мудро решать как утилитарные, так и эстетические задачи.

Хозяйственно-бытовые и производственные постройки, входившие в комплекс крестьянских усадебных построек, различались объемно-пространственной композицией, конструктивным решением, специфическим внутренним устройством. Среди традиционных хозяйственных построек — сараи и погреба для хранения продуктов. В агрогородке Остромечево подобных хозяйственных построек, датируемых первой половиной XX века, сохранилось немало. Изучение местных архитектурно-строительных традиций представляет интерес с точки зрения познания прошлого. Сохранившиеся памятники народного зодчества, являясь историческими артефактами, могут многое рассказать о жизни людей в прошлом. А это, главным образом, и определяет актуальность заявленной темы. Сегодня возведение сельских домов осуществляется по современным проектам современными методами строительства. Однако от творческого сочетания достижений современной архитектуры и богатого наследия народного зодчества постройки нередко выигрывают. Поэтому изучение народного зодчества может иметь и практическое применение.

В опубликованных работах, посвященных изучению народного зодчества Беларуси, рассматриваются особенности белорусских поселений, дается описание традиционного жилья, характерных особенностей и архитектурно-строительных традиций, а также декоративное решение построек, в котором наиболее ярко проявляется самобытное творчество народа. В них уделяется внимание и хозяйственно-бытовым постройкам, в том числе и погребам. Однако не содержится никаких упоминаний о хозяйственно-бытовом зодчестве Прибужского региона. А это — еще один повод обратиться к изучению хозяйственных построек Остромечево.

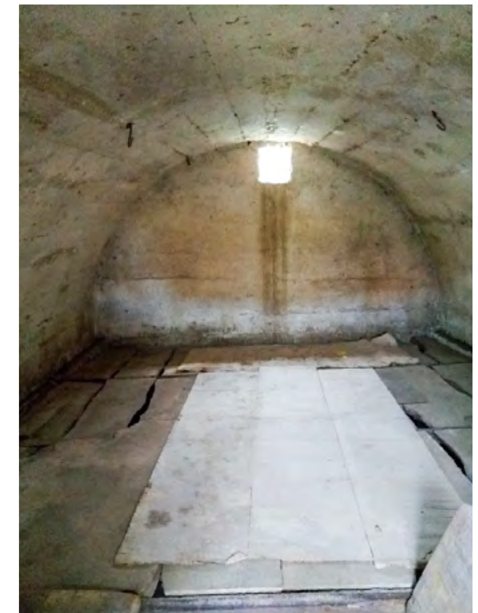
Хозпостройки — это огромный пласт нашего архитектурного наследия. Ведь владельцы имений разных периодов истории выстраивали такие сооружения, которые сегодня не каждый день встретишь: амбары, конюшни, сыроварни, бани, лямусы, ледовни.

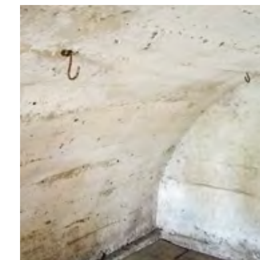
Комплекс усадебных построек можно разделить на хозяйственно-бытовые и производственные, различающиеся объемно-пространственной композицией, конструктивным решением и специфическим внутренним устройством. В зависимости от назначения хозяйственно-бытовые строения старых усадеб можно разделить на три группы: 1) для хранения зерна, пищевых продуктов, овощей, фруктов и удовлетворения повседневных нужд семьи — амбар, лямус (тип хозяйственной постройки для сохранения пищевых продуктов, зер-

новых, одежды, ценных вещей, орудий труда), истопка, погреб, баня, летняя кухня; 2) для скота и птиц — хлев, конюшня, курятник, помещение для свиней, овчарня; 3) для обработки и хранения зерновых культур, хранения сена и соломы — гумно, прясловые строения, сеновал (пуня) и др.

Ледовня — прототип современного холодильника. Под землей выкапывался погреб, в котором всегда было холодно, и продукты долго не портились.

Лямус — стародавний тип хозяйственной постройки для сохранения пищевых продуктов, зерновых, одежды, ценных вещей, орудий труда, а также для жизнедеятельности в летний период. Известен с 16 века. Строили из дерева, камня, кирпича или в технике «прусского мура» — мурованки.Под лямусам делали погреба.

Погреб (склеп, лех) — углубленное в землю помещение типа землянки, предназначенное для хранения овощей, картофеля, напитков. Склеп и погреб не всегда полностью идентичны

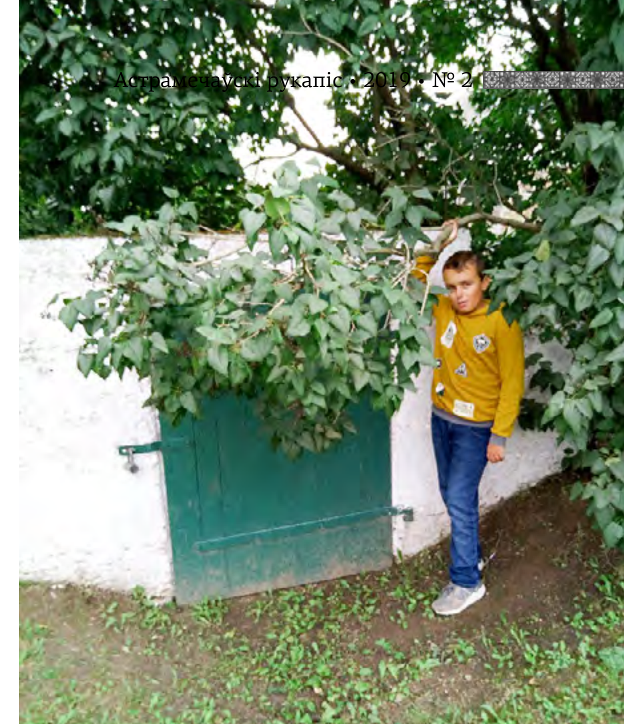
Для сохранения корнеплодов сооружались погреба как в подполье хаты, в сенях, пристроек к хате, а также в качестве самостоятельной постройки. Погреб как самостоятельная постройка является одним из типов хозяйственных построек крестьянского подворья. Погреба, сооруженные в качестве отдельной постройки, были широко распространены в Западной Беларуси и в т.ч. в Остромечево. На остромечевском диалекте их называют «людовнями». Погреб, как отдельная постройка, представлял собой небольшую постройку из дерева или камня, по теплотехническим соображениям заглубленную в землю. Устраивались погреба в местах с более низким уровнем грунтовых вод. Над поверхностью земли чаще всего выступала крыша, реже — незначительная часть сруба. Двускатная крыша и определяла всю архитектуру этого нехитрого сооружения. Погреба, как правило, располагались вблизи жилого дома. В ряде случаев они выносились в удобное место в пределах застройки. Погреба или ледовни можно назвать прототипом современного холодильника. В погребе всегда было холодно, и продукты долго не портились. Летом там хранили скоропортящиеся продукты.

На улице Кириченко (одна из старых улиц села) и улице Дружбы агрогородка Остромечево сохранились хозяйственные постройки и погреба, построенные в первой половине XX века.

Старожилы рассказывали о строительстве таких сооружений. Это было не просто. Многие жители нашего села в межвоенный период строили сараи и погреба из бутового камня. Люди подвозили большие валуны, но их нужно было сделать такими, какими мы видим сегодня. Это говорит о том, что и тогда были великие мастера своего дела, которые умело использовали высокопрочные инструменты, чтобы ровно просверлить и аккуратно расколоть камень. Дерево для строительства привозили из Беловежской пущи, Ворохова, из-за Высокого.

Самой старой хозпостройкой нашего агрогородка является ледовня, построенная Паднюком Иваном в 1911 году. Она представляет собой двухуровневое сооружение. Нижний уровень — подвальное помещение, в котором хозяева хранят картофель, свеклу, морковь. Его глубина составляет 5 метров. Верхняя часть ледовни предназначена для хранения яблок, капусты, консерваций. В былые времена хозяева могли хранить здесь молочные продукты, сыр, вино, сало. А летом, когда было очень жарко, могли здесь ночевать. Это довольно просторное помещение, в котором есть

вентиляционное окно. Потолок ледовни сделан ввиде арки. В него вмонтированы большие железные крюки. Раньше на них хозяева подвешивали колбасы, соленое мясо.

Толщина стен этой ледовни довольно внушительная — около полутора метров. Стены оштукатурены. Старожилы рассказывают, что в годы военных лихолетий в этой ледовне от врагов прятались многие наши односельчане.

Снаружи над ледовней сделана внушительная земляная насыпь. Ее толщина составляет около двух метров. Нынешние хозяева говорят, что стены этой хозпостройки никогда не промерзают, а все овощи и фрукты очень хорошо сохраняются вплоть до нового урожая.

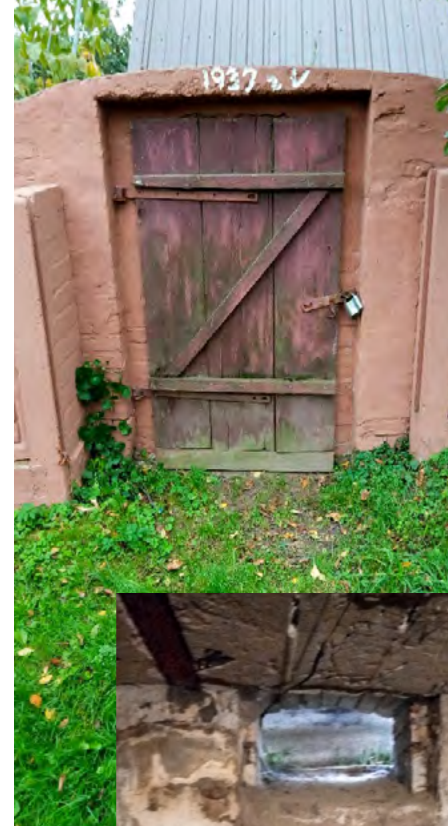
Недалеко от ледовни находится погреб, который тоже когда-то принадлежал Паднюку Ивану. Точный год его постройки неизвестен (построен примерно в 20-е годы). Это сооружение немного другого типа. Погреб построен из бутового камня. Он одноуровневый, похож на полуземлянку. Чтобы в него попасть, необходимо спуститься по ступенькам. Глубина погреба составляет два с половиной метра. Потолок этого сооружения тоже арочный, в него вмонтированы железные балки. Толщина стен этого погреба составляет примерно полтора метра, имеются вентиляционные окна. Над ним — земляная насыпь. Сегодня хозяева используют погреб для хранения овощей, фруктов и консерваций.

Следующая хозпостройка, которую мы исследовали — погреб на улице Дружбы. Он построен в 1937 году, о чем свидетельствует надпись, которая была сделана, очевидно, самими строителями. При строительстве этого погреба использовался бутовый камень и кирпич. Вниз ведут крутые ступеньки. Глубина этого сооружения немного больше глубины предыдущего. Она составляет примерно четыре метра. Потолок имеет плоскую форму. Имеется два вентиляционных окна. Нынешние хозяева говорят, что этот погреб держит постоянную температуру и зимой, и летом. Урожай овощей и фруктов сохраняется до нового.

Характерной особенностью этих погребов и ледовни является то, что они имеют по две входные двери, которые располагаются через несколько метров друг от друга. Необходимо это для того, чтобы в хозпостройки не проникал холодный воздух зимой, а летом жаркий.

Очень интересной хозяйственной постройкой является сарай, который принадлежит Полине Вабищевич. Он построен в 30-е годы. При его строительстве использовался бутовый камень, кирпич и дерево. Длина этого сарая составляет 13 метров, а ширина — 8. Сарай разделен на три части. В каждую из них ведет дверь. Формы дверных проемов — арочные, выполнены они из кирпича. В каждой части сарая имеется небольшое окно. Оконный проем тоже имеет арочную форму, выложен из кирпича. Каждая часть сарая имеет свое предназначение. В одной хранятся запасы зерна, в другой находится домашний скот, а третья часть является курятником. Запасы сена и соломы хранятся на чердаке сарая.

Изучение исторического прошлого своей малой Родины играет огромное значение для воспитания будущего поколения, способствует формированию у школьников нравственных и патриотических качеств человека, уважения к героическому прошлому наших предков. Знание и понимание истории своего края, города, улицы позволяет осознать, какие процессы происходят в непосредственной близости, и помогает каждому учащемуся почувствовать себя частичкой малой и большой Родины.

Литература

1. Лакотка, А.І. Народнае дойлідства / А. І. Лакотка. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 200 с.
2. Лакотка, А.І. Народнае дойлідства / А. І. Лакотка. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 200 с.
3. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. –Минск: Наука и техника, 1968. — 232 с.
4. Наша ридна остромыцька мова: диалектический словарь Остромечево; сост. И.А. Панасюк. — Брест: Альтернатива, 2016.-144 с., ил.
5. Остромечево и «остромычивци» /сост. И.А. Панасюк. — Брест: 0-77 Альтернатива, 2010. — 208с.
6. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Брэсцкага раена / У.А. Васілевіч, Н.А. Дзянісава, М.І. Рамяніца, Н.А. Рудніцкая, Р.А. Чарнаглазава/– Мн.: БЕЛТА, 1998г. — 574с.
7. Трацевский, В.В. История архитектуры народного жилища Белоруссии / В.В. Трацевский. — Мн.: Выш. шк., 1989. — 191 с.
8. Трацевский, В.В. Народное зодчество Белоруссии / В.В. Трацевский. — Минск : Полымя, 1976. — 31 с.
9. Этнаграфічная спадчына: Беларусь: Традыцыйна-бытавая культура / В.С. Цітоў. — 2-ое выд. — Мн.: Беларусь, 2001. — 207с., іл.

КАЛАЎРОТ КУЛЬТУРНАГА ЖЫЦЦЯ

Искусство перевоплощения «по-тельмовски»

В театральном объединении, созданном при Тельмовском СДК, премьера первого спектакля «Репка», показанная юными дебютантами на сцене поселка, состоялась спустя два месяца после образования творческого коллектива. В первых рядах зрителей сидели родители маленьких «звездочек» и очень переживали за них. Выступление прошло на «ура!». С тех пор каждая постановка местного Дома Мельпомены вызывает неизменный успех у публики... Но — обо всем по порядку.

Театральная жизнь «закипела» в сельском ДК в 2009 году, когда был создан коллектив «Лучик». Его художественный руководитель Надежда Брещук объединила десять мальчишек и девчонок от 9 до 13 лет. Эту, несомненно, одаренную детвору на протяжении десяти лет опытный педагог, выпускник театрального отделения БГУ культуры и искусства, учила раскрепощаться на сцене, взаимодействовать друг с другом и со зрителем, но самое главное, познавать себя через мировосприятие других людей. В 2011 году театральное объединение приросло еще одним коллективом «Солнышко», куда входили уже дошколята. Несмотря на свой возраст и скромный опыт игры, воспитанники сумели вырасти до настоящих артистов, радуя зрителей интересными спектаклями.

— Чтобы постановка была удачной, важно правильно подобрать роли, — рассказывает Надежда Николаевна. — Я всегда старалась искать сценарий под своих детей. Вот это мы сможем сыграть, это — еще не готовы.

Репертуар театрального кружка в основном состоит из инсценировок по мотивам известных сказок: «Золушка», «Между нами девочками», «Кот и пес». Ни один новогодний праздник не обходится без премьерной постановки — «Баба Яга против», «Новогодние приключения в зимнем лесу», «Новый год в шоу-бизнесе». Кстати, в этих перфомансах принимают участие и трудные подростки, для которых занятие театральным искусством очень положительно сказывается на дальнейшем поведении. Комедийные способности дети сполна проявляют в спектаклях «День рождение кота Леопольда», «Следствие ведут колобки». А вот навыки работы в драматическом жанре искусства они даровито демонстрируют в спектаклях ко Дню Победы. Первая постановка, посвященная Великой Отечественной войне, состоялась накануне 9 Мая в Доме культуры три года назад. Называлась она «У войны — не женское лицо» и призвана была побудить подростков и молодежь задуматься и по-новому осмыслить нашу славную военную историю. Музыкальный спектакль был показан в шести районных ДК, а посетили его более 300 учащихся школ Прибужья. Примечательно, что в постановке принимали участие не только юные артисты, но и взрослые театралы. Зародившаяся в Тельмах традиция включать в праздничную программу Дня Победы и театральную постановку на военную тематику продолжилась и в последующие годы. И всегда она находит отклик в сердцах зрителей.

Репертуар коллектива пополняется каждый год, прибавляя новые премьерные постановки. Растет и число его участников. Если в первые годы их было 8–10, то в настоящее время — 18 ребят. Среди наиболее активных можно выделить Анастасию Айвазову, Давида Кулагу, Веронику Мозолюк, Анну Робенчук, Наталью Пешко, Екатерину Артехович, Викторию Грудовик. Некоторые бывшие участники объединения уже связали свою жизнь с искусством. Как, например, Елизавета Костецкая, поступив по целевому направлению в Барановичский государственный музыкальный колледж. Многие еще об этом только задумываются — Артем Гребенюк планирует пойти по стопам своего преподавателя и поступать в БГУ культуры и искусства. Без театральных подмостков не представляет свое будущее и Светлана Крисанова, бесспорно, талантливейшая школьница. Примечательно, что солировать на сцене девочка начала еще будучи совсем юным ребенком. Уже в три годика в составе команды КВН она выступала на областном фестивале «Спораўскія жарты», где сыграла роль желтого цыпленка, только что вылупившегося из яйца. Ее игра имела такой огромный успех, что впоследствии стала визитной карточкой белорусской команды, а Светлану признали лучшим игроком международного фестиваля «Полесский КВН».

Сегодня участники любительского объединения постигают азы актерского мастерства под руководством Светланы Ковалевой, год назад пришедшей на смену Надежде Николаевне. Маленькие «звездочки» живут театром. Они готовы каждый день приходить на репетицию, и даже мысли у детей не возникает пропустить ее.

Светлана Алексеевна не боится, что ее артисты «заиграются».

— Театр — это не только средство познания жизни, но и школа нравственного и эстетического воспитания, — считает она. — Занятия сценическим искусством вводят малышей в мир прекрасного, развивают чувство сострадания, способность поставить себя на место другого, радоваться и тревожиться вместе с ним. Зритель это чувствует, поэтому после наших постановок зал встает, плачет или смеется, и еще долго аплодирует и кричит «Браво!», не отпуская со сцены.

Наталья ТОЛКАЧЕВА

Наперад у мінулае раёна

Перадача «Наперад ў мінулае», з цудоўнай вядучай Аксанай Вечар, гледачоў беларускага нацыянальнага канала «Беларусь-3» запрасіла на самы поўдзень вобласці да нас, у вёску Ляплёўка, якая ў чарговы раз здзівіла сваёй фальклорнай і гістарычнай спадчынай. Аматарскі калектыў «Жывая вада» Ляплёўскага СК прапанаваў мясцовы вясельны абрад «Сыра». Абрад уяўляў песеннае спаборніцтва паміж сваццяй і Запарожцамі (кабетамі, не запрошанымі на вяселле), якія павінны стаяць за парогам. Сваццяй выбіралі жанчыну гаварлівую, дасціпную. Па задумцы Запарожцы мелі намер заваяваць у песенным спаборніцтвы кошык з прысмакамі, у тым ліку і з сырам. Свацця знаходзіла розныя адгаворкі, каб толькі не аддаць ім сыр.

У перадачы было прапанавана паслухаць даўнішнія застольныя песні і ўбачыць як адна з іх на вачах гледачоў набудзе новае жыццё. Песня абавязкова павінна знайсці свайго выканаўца. Дзякуючы супольнай студыйнай рабоце дуэта: кампазітара Сяргея Сухамліна і дуэта баяністаў «Не БаЯн Style» (музыкі, лаўрэаты нацыянальных і міжнародных конкурсаў) атрымаўся відэакліп на застольную песню «Па садочку хаджу».

Будзем спадзявацца, што з відэароліка «Не БаЯн style» feet «Жывая вада» можа палучыцца сапраўдны хіт.

Алёна ПАДДУБНАЯ,
медатыст па фальклору, этнаграфіі і дэкаратыўна-прыкладному мастацтву

«Человек года Брестчины» — из Прибужья!

За большой личный вклад в социально-экономическое развитие Брестской области по итогам работы за 2018 год в области культуры решением областного исполнительного комитета от 17 апреля 2019 года № 246 почетного звания «Человек года Брестчины» удостоен руководитель народного ансамбля песни «Спадчына» Тельмовского сельского Дома культуры Владимир Иванович Литвинчук.

В прошлом году этот прославленный коллектив отметил свой полувековой юбилей. За годы своей яркой деятельности народный ансамбль дал тысячи концертов, спел не одну сотню песен. Его творчество хорошо знают и любят не только у нас на родине, но и далеко за ее пределами — в Украине, Чехии, Польше, России, Литве, Болгарии, Голландии, Франции, Словакии. Везде зрители с восторгом принимали прибужских артистов.

И сегодня «Спадчына» продолжает радовать поклонников интересными вокальными композициями на основе белорусского и полесского фольклора. Бессменным руководителем коллектива на протяжении долгих лет является Владимир Литвинчук — яркий, интересный, талантливый человек, настоящий энтузиаст своего дела, который сумел сплотить вокруг себя людей, искренне преданных народному песенному творчеству.

Владимир Иванович, поздравляем Вас с этим высоким и почетным званием!

«Иллюзия» и «Микст» отмечены дипломами

В областном центре прошел международный фестиваль-конкурс разножанрового творчества Millennium. На творческое состязание было подано более 3000 заявок. Мероприятие объединило участников из 36 городов Беларуси, России, Польши и Молдовы.

Свои таланты на конкурсе продемонстрировали и детские творческие коллективы Прибужья: образцовая цирковая студия «Иллюзия» Чернавчицкого СДК и вокальный ансамбль «Микст» Мотыкальского СДК.

«Иллюзия» принимала участие в номинации «Оригинальный жанр» (цирковое искусство) с акробатическим номером «Марионетки». Номер исполняли Маргарита Капустюк, Карина Басевич, Соня Тричук, Виктория Шанта, Яна Михальчук и Полина Васильчук.

Вокальный ансамбль «Микст» в составе Гулян Мелине, Екатерины Бондарь, Ксении Львовой учувствовал в номинации «Вокальное творчество».

За свои выступления прибужские коллективы были отмечены Дипломами лауреатов 2-й степени.

Конкурс чтецов «Я только слышал о войне»

Есть события, над которыми время не властно, и, чем дальше в прошлое уходят годы, тем яснее становится их величие. Одно из них — победа в Великой Отечественной войне и 75-летие освобождения Беларуси, которое мы отмечаем в этом году.

Уже выросло не одно поколение, которое не знает что такое война. Уроки прошлой войны нужно помнить, чтоб защитить будущее. Для нас война — история. Историю обязаны помнить и знать, чтобы не повторился кошмар 22 июня 1941 года.

С этой целью в Ковердякской сельской библиотеке прошел конкурс чтецов «Я только слышал о войне», участники которого декламировали патриотические стихотворения о Великой Отечественной войне. Ребята серьезно готовились к конкурсу, подбирая произведения, волновались, читая наизусть стихи о войне. Каждый участник смог эмоционально прочувствовать читаемое стихотворение и передать свои чувства и эмоции зрителям. Трогательно и проникновенно в исполнении участников конкурса прозвучали стихотворения А.Фатьянова "Соловьи", А.Суркова "Утро Победы", В.Жукова "Мама" и др. Победителем был признан Павел Полещук. В его исполнении прозвучало стихотворение С.Михалкова "Нет войны". А также мальчик рассказал о героическом подвиге Николая Гастелло, направившего свой горящий самолет на вражеский состав с военной техникой.

Закончилось мероприятие песней "Пусть всегда будет солнце".

Мы хотим сказать огромное спасибо всем участникам конкурса. Надеемся, что участвуя в таких мероприятиях, дети не будут забывать, что такое война, будут становиться добрее и ценить мирную жизнь!

БЕЛАРУСЬ ПОМНИТ

Загорелись стога над Бугом…

Шаровская (Гловацкая) Надежда Кирилловна, в 1941 году — жительница д. Гершоны Брестского района.

— Война застала нашу многодетную семью в деревне Гершоны под Брестом. 21 июня в субботу часов в пять вечера неожиданно запылали стога в пойме Западного Буга, а за ними — дома в соседней деревне Котельня-Боярская. Позже люди говорили, что их подожгли зажигательными пулями с противоположной стороны Буга, где уже готовились к броску немецкие войска.

Мы, дети — я, Вера и Владимир — бегали смотреть на пожар, поэтому уснули поздно. Старшая сестра Евдокия, братья Пимен и Михаил жили отдельно своими семьями и, как все мы, заснули в тревожном ожидании.

А утром спозаранку началось… Во дворе нашего дома, в деревне, в ближайших окрестностях стали разрываться снаряды. Дрожала от взрывов земля, дребезжали в окнах стекла.

Отец, Кирилл Федорович, бросился выгонять из сарая корову, заодно прихватил и соседских, стал гнать их из села. Мама, Наталья Калистратовна, схватила нас, детей, в охапку и спряталась в сарайчике, затем все перебежали в рожь за околицей.

Невестка Ольга — жена брата Василия (она умрет в 1942 году при родах) — выбежала на крыльцо, и тут же осколком ей перебило ключицу. Кровью залило платье…

Незаметно расцвело. Прошло еще какое-то время — и в деревню нагрянули оккупанты. Немцы прикатили пушку, установили ее возле нашей хаты, и стали прямой наводкой «долбить» артсклад, так называемую «пороховню», которая располагалась неподалеку. Вышибли стальную дверь, согнали местных жителей: мол, ступайте с ультиматумом к советским бойцам, засевшим в «пороховне», пусть выходят и сдаются… А наш отец еще ночью туда пробрался, вывел раненых бойцов, переодел их в гражданское платье и проводил окольными путями за деревню. Дескать, спасайтесь, возвращайтесь бить врага…

Так для нашей семьи началась Великая Отечественная война.

В 1943-м году нашего отца, Кирилла Федоровича Гловацкого, за связь с партизанами фашисты казнили, продержав около месяца в застенках Брестской тюрьмы, а затем расстреляли в районе форта № 3, на месте нынешнего электромеханического завода.

Фамилия Кирилла Гловацкого, рабочего кирпичного завода, значится в книге «Память» г. Бреста.

Мой брат Василий, связной партизанского отряда имени Ворошилова, был тоже схвачен фашистами и отправлен в Германию. Однако ему удалось бежать и продолжить борьбу с врагом в отряде народным мстителей. Погиб он в 1945 году на берегах Одера.

Еще раньше ушли в лес к партизанам брат Владимир и сестра Евдокия с мужем — Романом Борисюком, секретарем Гершоновского сельского совета. Моя сестра Вера тоже находилась в партизанском отряде до прихода советский войск. Были они в семейном лагере под деревней Медно.

Брат Владимир после партизанского отряда воевал в регулярных частях Красной Армии, вернулся с фронта, хоть израненным, но живым. А брат Николай пропал без вести.

После освобождения Бреста от фашистских захватчиков я работала санитаркой в военном госпитале, развернутом в Южном городке.

Из восьмерых детей нашей большой семьи на сегодня осталась в живых одна я. Зато есть внучки и правнуки. Самую маленькую правнучку назвали в мою честь Надеждой…

Слава павшим героям!

Записал Александр ВОЛКОВИЧ

От редакции: *Надежда Кирилловна ШАРОВСКАЯ (Гловацкая) умерла 23.01.2014 г. на 91-м году жизни.*

Вечная память!

От Пинска до Любавы
прошел боевой путь фронтовик Степан Демчук из д. Волки

(Странички из воспоминаний ветерана)

— Родился я в деревне Волки Каменица-Журавецкого сельсовета Брестского района. Окончил так называемую повшэхную польскую школу в д. Литвины. После воссоединения Западной Белоруссии с БССР в Бресте организовался речной порт Днепро-Бугского речного пароходства. Я пешком добрался до города, нашел начальника порта и уговорил его принять меня на курсы рулевых речного флота.

Отучился четыре месяца, сдал экзамены. Был направлен в город Пинск проходить практику на пароходе «Ока». В Пинске и застала меня Великая Отечественная война.

Помню, пришли с рейса в Пинский речной порт и стали у причала. Наш капитан ушел в пароходство за указаниями, и куда-то пропал. Кто-то из команды отлучился в город, а, вернувшись, сообщил: война! Аэродром в Жабчицах разбомбили, ни один самолет не поднялся в воздух. Что делать?

Тут приходит солидный человек в морской форме и без лишних уговоров предложил нашему гражданскому экипажу войти в состав Днепровской военной флотилии, часть кораблей которой базировалась в Пинске. Я с радостью согласился. Дали мне под командование несамоходную баржу и двух матросов, хотя я был в экипаже самым молодым. Срочно надо было эвакуировать мирное население Пинска.

Что творилось тогда, трудно передать. Мы грузили людей и имущество, вывозили баржей в безопасные места. Активно включились в боевую работу, подвозили боеприпасы, продовольствие. Не единожды нашу баржу бомбили с воздуха немецкие самолеты. Флотилия с боями отступала на восток. Прошли Мозырь, Наровлю, Чернобыль. Задержались уже под Киевом на Днепре. Здесь завязался бой с немецкими танками, подошедшими к реке. Мне со своей командой пришлось сойти на берег и занять оборону. Силы были неравны. Фашисты захватили мост через Днепр, а танки обошли наши позиции. Кончились боеприпасы.

Поступила команда выходить из окружения мелкими группами...

Решил добираться до родных мест. Напарниками вызвались Николай из Наровли и Иван Голодко (родом из Больших Радванич). Рискуя попасться в лапы врага, двинулись на запад. Наровля, Мозырь, Пинск, Кобрин... Где могли, задерживались, где надо — таились. На окраине Кобрина попали на остывшее поле боя: мрачная картина — сгоревшие танки...

Иван Голодко по пути свернул в направлении своей деревни Франополь — и больше я его не встречал. Впоследствии он был расстрелян вместе со своей семьей за связь с партизанами...

Дома меня с радость встретили мать с отцом, сестры и младший брат. Пришли соседи, а также эвакуированные из Бреста жены советских командиров: Галя, Поля, Вера, Тася и другие. Все они интересовались, где находиться фронт и скоро ли погонят немцев назад... Что я мог им ответить?!

Моя дальнейшая судьба оказалась тесно связана с партизанским движением. Вскоре я повстречался с секретарем Каменица-Журавецкого сельсовета Николаем Носиком, председателем Тельминского сельсовета Иваном Солейко, моими сверстниками Петром Кондратюком, Николаем Супруновичем, другими земляками. Сообща решили собирать по лесам брошенное оружие и боеприпасы, передавать их партизанам. В нашей местности стал действовать партизанский отряд, названный в последствие именем Чернака. Так я стал партизаном.

Об этом тяжелом, но героическом периоде можно многое рассказывать. К примеру, как фашисты в 1942 году собрали по деревням и расстреляли между деревнями Закий и Каменица-Журавецкая семьи комсостава Красной Армии, как немецкие каратели подожгли наш родительский дом и сарай — и спрятанные мною патроны и снаряды стали взрываться, как посадили в Брестскую тюрьму, а затем расстреляли моего родного отца Павла Степановича Демчука... Вспоминаю эти горькие эпизоды со слезами на глазах.

После этих трагических событий я ушел в партизанский отряд Чернака, где возглавил пулеметное отделение первого взвода. Мой тяжелый трофейный пулемет, отбитый у немцев, не раз выручал нас в бою.

Особо запомнилась оборона на Днепро-Бугском канале под Дивинском в 1944 году. Партизаны мужественно сдерживали натиск фашистов, стремившихся уничтожить отряд. Бойцы отрядов имени Фрунзе и имени Чернака оборонялись почти неделю, пока не отошли за Припять и соединились с наступавшими частями Красной Армии.

Я попал в 1-ю стрелковую дивизию 70-й армии Первого Белорусского фронта. Окончил командирские курсы при штабе, принял пулеметное отделение. В звании младшего сержанта участвовал в освобождении города Бреста и Брестского района. За Брест был награжден медалью «За отвагу».

Гнал фашистов на запад. На подступах к Варшаве получил тяжелое ранение. Был отправлен на лечение в глубокий тыл, в Пензенскую область. Затем — батальон выздоравливающих, запасной полк, Москва, Великие Луки... Попал командиром взвода в 29-ю гвардейскую Ельнинскую дивизию, освобождавшую вместе с другими соединениями Латвию. Там встретил долгожданную Победу.

Награжден орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией», другими медалями. (Был представлен к наградам за боевые действия в партизанском отряде имени Чернака, но награды до меня не дошли..)

Подготовил к печати
Александр ВОЛКОВИЧ

Журналистский поиск

Героя Бреста помнят в Подмосковье

Все меньше остается в живых участников Великой Отечественной войны. Но еще реже встретишь здравствующими родственников или близких, кто знал или лично помнит защитников легендарной Брестской крепости. Хотя бы из тех 277 имен, что выбиты на плитах Пантеона памяти. Из более полутора тысяч погребенных здесь...

В этом убедился брестский писатель Александр Волкович во время подготовки к переизданию своей книги «ПИСЬМА ВОЙНЫ», которая выйдет свет в издательстве «Альтернатива» к Дню Независимости Беларуси.

Из переписки писателя Александра Волковича с родственниками защитника Брестской крепости лейтенанта Айзика Гиршевича ИОФФЕ:

«Сообщаю, что по подсказке моего друга, писателя из Германии Владимира Эйснера я перевел сегодня на Вашу карту 1000 руб. как вклад на издание книги «Письма войны». Вклад скромный, к сожалению, но я пенсионер (86 лет), много уходит на лекарства. Так что уж не обессудьте.

Удачи с изданием книги!

У меня в Бресте погиб двоюродный брат в 1941-м. На одной из плит Мемориала выбито его имя: лейтенант Иоффе Айзик Гиршевич. О том, что его опознали среди погибших там героев, мы узнали только в 1971-м, после открытия мемориала, и, естественно, побывали там и положили цветы к памятной плите. На него там в музее была заведена отдельная папка. Не знаю, хранится ли она, времени прошло без малого 50 лет, теперь это заграница. Передайте, пожалуйста, эту информацию А. Волковичу вместе с добрыми пожеланиями. И спасибо ему за книгу.

Бейнфест Борис Яковлевич, Моск. обл.»

«Уважаемый Александр Волкович! Как могу, выполняю Вашу просьбу.

У меня осталась только одна, довоенная его фотография, которую посылаю. А биография у него очень короткая и простая. Родом из Витебска. Сын родного брата моей мамы. Фамилия Иоффе (это и девичья фамилия мамы). 20-го года рождения. Был очень одарен как художник, поступил в Палехское художественное училище (шлю несколько его рисунков), был (еще до войны) призван в армию, окончил пулеметное училище и за две недели до начала войны в звании лейтенанта направлен служить в Брест. Там и погиб. Родители его, эвакуировавшиеся в Саратов, не получили никакого документа, даже о пропаже без вести.

В 1971-м открылся Мемориал, знакомые через пару лет посетили его и увидели плиту с его именем. (Гиршевич — это отчество.) Старший его брат Борис, 1916-го года, тоже фронтовик, старший лейтенант, десантник, комиссованный по тяжелому ранению под Сталинградом, сразу же написал в Брест, ему ответили, что да, это тот самый Иоффе.

И мы в 1974-м поехали туда, привезли для музея какие-то письма (еще довоенные), в общем, то, что относилось к Айзику. Встретили нас очень хорошо, мы пробыли там 2 дня, жили в гостинице. Потом Борис переписывался с музеем. В основном, поздравлял с Днем Победы. Ему отвечали.

Вот в общем, и вся история-биография. По каким документам его опознали, уже не помню. Но в музее должны, наверно, знать. Фотография — во вложении. О нем упоминается в музейной брошюре об истории обороны Крепости. Еще раз: Иоффе Айзик Гиршевич.

Заранее благодарю. Рад, что мои сведения пригодятся для книги.

С уважением, Бейнфест Борис Яковлевич. (Мне сейчас 86.)

P.S. Там же в Бресте, я в столовой, в ожидании обеда написал на салфетке стихотворение, посвященное Айзику.

Вот оно:

Брату Изе, чей прах покоится
в мемориале Брестской крепости

Ты в грозный час, в суровую годину
Нас заслонил безмерною ценой.
И Родина воздала преданному сыну:
Ты в камне к нам вернулся,
навсегда живой.
Да, многого ты в жизни не увидел.
Застлали молодость твою огонь и дым.
Но ты врага всей силой ненавидел,
И ты остался вечно молодым.
Подземные глухие казематы
Стояли насмерть в огненном аду.
Стояли насмерть рядовые и комбаты,
Как в горле кость, у немцев на ходу.
Кричали камни, белые от боли,
Железо плавилось от страшного огня.
И только люди — воплощенье воли —
Стояли насмерть, твердость сохраняя».

1974 г.

Отправлено из г. Пущино Серпуховского района Московской области от Бориса Яковлевича Бейнфеста 24.04.2019, «Раиса» <raisabeinfest@mail.ru>

От редакции:
Командир взвода 125-го стрелкового полка, лейтенант Айзик Гиршевич ИОФФЕ погиб в первые дни войны.
Имя героя выбито на плитах Пантеона памяти Брестской крепости (второй ряд, плита №35).

Леонид ФИЛАТОВ: мы родом из войны

Белорусскому прозаику, лауреату литературной премии «Берасцейская зорка-2000» и обладателю диплома имени В.А. Колесника Леониду Георгиевичу Филатову 13 мая исполняется 80 лет. Мы искренне поздравляем нашего земляка, желает ему здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов.

«Мне не особо нравятся пышные праздники и юбилеи, что захлестнули в последнее время нашу скромную трудолюбивую Беларусь. А вот слова благодарности тем людям, что спасли мне жизнь и вывели в свет, я не устаю повторять. Я из того поколения, про которое говорят, что оно родом с войны».

Родился Леонид Георгиевич в мае 1939 года в д. Бабиничи Витебского района в семье известного по матери деда Иосифа Бугаева, героя гражданской войны, служившего в штабе армии Михаила Фрунзе. Мама, Федора Иосифовна, окончила Витебский педагогический институт и после 17 сентября была направлена преподавателем Брестского педучилища. Поселились в однокомнатном жилье сторожа при малоритской средней школе, куда была направлена на работу ее старшая сестра Мария — она стала первым советским завучем на территории Западной Белоруссии. Ее дети рано остались сиротами: муж Антон погиб на финской войне. Вскоре и Лёнин отец

будет защищать родину, сражаясь с немцами под Москвой.

Жили семьи сестер с бабушкой Анастасией, женщиной очень сильной духом и по-житейски мудрой. К сожалению, на ее долю в первый день войны выпало похоронить дочку и внука — маму и двоюродного брата Лёни. 22 июня 1941 года рядом со школой разорвался вражеский снаряд.

Новая семья

— Тогда мы, все пятеро братьев, спали на одной кровати, — рассказывает о начале войны Леонид Георгиевич. — У самого младшего было «козырное» место — с краю. Это его и сгубило. Вместе с мамой, которая как раз развешивала выстиранное детское белье, когда немецкий снаряд попал в пристройку. Он был такой мощный, что пострадали все дети. Ролену и Жене (родному брату Лёни) вырвало мышцы, поломало ноги, контузило. Лёню четырьмя осколками ранило в голову. Осколками выбило и глаза бабушки, она ослепла. Жив и невредим остался только Юра. Его мама Мария Иосифовна была на каком-то мероприятии в Бресте и, задержавшись в городе, там и заночевала. Она, как и ее сын, вскоре тоже уйдет из жизни. Смерти Юрика никто не видел. Он, в отличие от остальных Бугаевых, озорных кареоких непосед, был тих и застенчив, болел золотухой. И, как полагают местные, какой-нибудь ариец втихаря пристукнул большевистское семя.

Мария без колебаний ринулась в местное сопротивление. Брестским подпольщикам передала квартиру, где они пользовались приемником, слушая сообщения из Москвы, а затем распространяли листовки в округе. Сама храбрая женщина связалась с советскими военнопленными, что работали на кирпичных заводах в Гершонах, и по заданию партизан организовывала им побеги. Но на ее след вышли гестаповцы. Благодаря помощи отца нынешнего известного в журналистских кругах сотрудника «Вечерки» Сергея Мощика ей удалось спрятаться в Приритских лесах. Однако не уберeглась. В августе 1943 г. после восьми месяцев пыток прямо на допросе была расстреляна следователем. Спустя некоторое время после войны благодарные малоритчане в новом здании школы обустроят своему былому завучу мемориальную доску, которая станет скромной данью памяти многочисленной семье Бугаевых, которые в мае 1945-го недосчитались аж семи своих членов.

... Сразу после ранений дети попали в захваченный немцами местный госпиталь. Малоритчане, когда узнали о беде, пожалели малых сирот, стали помогать кто чем мог: приносили буханку хлеба, бутылку молока, пару яиц... Однажды в госпиталь пришла молодая красивая женщина. У нее был такой нежный и ласковый взгляд, что маленький Лёня потянулся к ней на руки со словами: «Мама, мама!». Так мальчик очутился в семье Ларисы Мефодьевны и Алексея Никифоровича Афанасьевых из д. Ляховцы. Всю войну он жил у своих приемных родителей, и они делали все, чтобы спасти ребенка. Прятали от бомб и снарядов, отдавали последний кусок хлеба, скрывали от полицаев. Особенно трудно пришлось, когда Лёня заболел. День и ночь, не смыкая глаз, просиживала названная мама у постели сына. Когда ее сменял муж, не ложилась отдыхать, а брала оставшиеся скудные вещи и отправлялась менять их на продукты и лекарства для мальца.

...Я помню Первомай мальчишкой,
Мы с песней шли по пыльной улице села,
Дружили мы тогда с тетрадками и книжкой,
И славно шли у нас мальчишечьи дела...

Эти первые строки Лёня написал по-русски в третьем классе Ляховецкой семилетки. Все последующие его

произведения будут радовать читателя исключительно на родном языке. Первые же буквы, а затем и чтение маленький четырехлетний подранок освоит на немецком, будучи за колючей проволокой в концлагере.

Танцы с врагом

...В 1944 году немцы стали отступать. Казалось, что все ужасы в прошлом и победа не за горами. Но именно в то время, когда шло освобождение Беларуси, на семью Афанасьевых обрушилась беда. Алексей Никифорович до войны работал учителем, поэтому не удивительно, что в период оккупации он время от времени привечал в своем доме бывших учеников, ушедших в подполье. За связь с партизанами на него донесли местному полицаю и вскоре всю семью отправили в фашистский концлагерь Потшиков на границе Польши с Германией.

В то время, пока на складе приемная мама Лариса Мефодьевна грузила железо, а отец Алексей Никифорович работал на шахте, Лёня сидел возле буржуйки и грустно смотрел на одинокий кусок серого хлеба, оставленный на столе. В уме он переводил грозные слова фашистского сторожа: «Warte! Hände hoch!» на русское: «Стой! Руки вверх!». За стеной фанерного круглого барака стояла необычная тишина, прерываемая хлесткими ударами ремня с внушительной металлической пряжкой в форме звезды. Эту воспитательную меру ко всем детям без исключения любил применять жестокий охранник. Пока их родители батрачили, чтобы заработать на кусок хлеба, он за малейшую провинность наказывал ребенка — клал поперек колена и «воспитывал»: eins (один удар), zwei (второй), drei... zwanzig — на двадцати, как правило, наказание прерывалось. Каждая вражеская цифра отпечаталась на теле бывшего малолетнего узника концлагеря незаживающими рубцами...

— Мы никогда не плакали, потому что страх отнимал речь, — даже спустя годы нелегко вспоминать пребывание в концлагере Леониду Георгиевичу. — Стиснув зубы, терпели издевательства... Но были и вполне миролюбивые немцы, которые жалели детей. Мне, например, перепадало немало еды, оставшейся от кормежки собак, охранявших лагерь. Одна из них — грозная Hirte — ластилась ко мне, и мы с ней дружили. За здоровьем зубастых сторожей следил местный ветврач. Он же присматривал и за захворавшими заключенными.

Однажды по его вине Лёню чуть было не отправили в газовую камеру. Это случилось аккурат после 55-летия Гитлера. В честь юбилея вождя нацистов неподалеку от лагеря немцы оборудовали в лесу две танцплощадки и «пригласили» на вечер всех молодых узниц. Лариса Мефодьевна была красивой женщиной с большими карими глазами и длинными волнистыми волосами и на нее часто заглядывались фрицы. Поэтому, несмотря на мороз — а в этот день, как назло, выпал снег — Лёня устроился в засаде неподалеку, чтобы приглядывать за мамой, ушедшей «на танцы». Вечером у него поднялась высокая температура. Пригласили доктора (того самого ветврача), и он поставил страшный диагноз — тиф. А это значит, следует спалить барак, а мальца отправить в камеру. К счастью, Ларисе Мефодьевне удалось перед этим передать страшную весточку мужу. Алексея Никифоровича отпустили с работы. И вот он бежит по дороге к лагерю, а навстречу ему едет мотоциклист. «Stehe! Was hast du?» (Стой! Куда несешься?). «Kinder, Typhus!» (ребенок, тиф) — как сумел, объяснил отец. «Warte!» — остановил его, как оказалось, немецкий врач. Поняв, в чем дело, он вместе с отцом решительно направился в лагерь, чтобы осмотреть Лёню. Оказалось, что у мальчика началось воспаление легких, и доктор, вколов ему укол, отправил на боковую. Впоследствии немецкий спаситель не единожды приходил навестить больного, принося ему гостинцы, не только лекарства, но и игрушки, и даже такие ценные несколько кусков мыла.

Два отца — одна судьба

Во вторую годовщину Дня Победы в д. Ляховцы приехал человек в военной форме. Он искал свою семью, которая жила здесь до войны. Узнав о смерти жены и о счастливом спасении сына, он направился к дому Афанасьевых. Когда Лариса Мефодьевна узнала, что у Лёни жив родной отец, долго не могла в это поверить. Ведь ей придется расстаться с ним. Так и случилось. Георгий Федорович увез Лёню с собой в Россию, где он служил. Однако не долго пробыл мальчик со своим кровным отцом. После того, как день за днем тот видел бесконечную тоску сына по маме, он принял решение вернуть его в приемную семью.

После войны Лёня пошел учиться в местную семилетку, которой стал руководить Алексей Никифорович. Воспитанный, высокообразованный, вместе с Ларисой Мефодьевной он приложил все силы, чтобы вырастить достойного сына. Во время учебы в Малоритской средней школе Леонид профессионально занимался волейболом и десятиборьем, играл на гитаре и балалайке, участвовал в многочисленных соревнованиях и концертах по всему Советскому Союзу. Струнный музыкальный оркестр из Малориты даже занял второе место на республиканском конкурсе в Минске.

Взрослая жизнь

К сожалению, через десять лет после войны умер главный кормилец семьи. Чтобы помочь маме, Лёня устроился на путевую дорожную машинную станцию и параллельно поступил в железнодорожный техникум. Работал бригадиром, затем мастером, главным инженером. Среди паровозных гудков, ярких ночных огней, едкого дыма и пахучего креозота появятся первые литературные зарисовки, которые станут основой цикла «З пуцейскага юначага». В них романтичный рабочий-путеец восторгается жизнью и счастлив от осознания необходимости своей работы. Самые первые произведения мастера слова были напечатаны на страницах малоритской газеты «Сельская жизнь» в 1958 году. Спустя семь лет Леонид Георгиевич станет курировать в ней отдел писем и массовой работы, затем переедет в областной центр и будет организовывать районное радиовещание, действующее при «Заре над Бугом».

В его трудовой книжке нет пустых страниц. Учитель белорусского языка и литературы, преподаватель истории и географии, председатель комитета по физкультуре и спорту при райисполкоме, директор спорткомплекса «Ло-

комотив»... В 1971 году начинающий писатель заканчивает филологический факультет Брестского désinstitута. Во время учебы он заводит тесные знакомства с Владимиром Колесником и Алексеем Масейчиком. Первый из них станет его литературным наставником, а второй — лучшим другом.

В филатовском стиле

События жизни Леонид Георгиевич описывает в своих книгах — «Дарога», «Ляховецкая торба», «Жывая зямля», «Адарваць ад сэрца» и других. Всего издал 13 книг. В своем творчестве прозаик несколькими штрихами создает портрет человека, описывает то или иное событие емко и метко. Филатовский стиль схож с чеховским: в малой форме он так же умеет передать глубокое содержание. Однако, в отличие от русского классика, все его герои имеют особенную человечность, которую автор пытается увидеть в каждом из них. Его герои — внутреннее отражение писателя. Бесхитростные, простые и открытые. Порой автор их идеализирует, как идеализирует и людей, стараясь увидеть в них только хорошее, доброе. И они отвечают тем же. Принимают его душевность, живое участие в их судьбе, умение поддержать и сказать ласковое слово, которого так порой не хватает. Все творчество Леонида Георгиевича проникнуто любовью к родному краю, людям, которые спасли его на пороге войны и подарили надежду на будущее, воспитали его чутким и душевным человеком. Его проза насыщена неожиданными отступлениями и лирическими воспоминаниями. Жизнь он показывает такой, какая она есть.

Такая же насыщенная, без прикрас, полная событиями и его действительность. После рождения первенца — дочери Людмилы — Лариса Мефодьевна забрала внучку к себе. Супруга Леонида долго болела и не могла выкормить малышку. Бабушка души не чаяла в Люсеньке, воспитывая ее разносторонним ребенком. Учила петь, декламировать стихи, танцевать и слушать музыку. Спустя четыре года родился брат девочки — старший сын Леонида Алексей. Много позже он пойдет по дедовской военной стезе...

Со своей второй женой Марией Ивановной Леонид Георгиевич познакомится в Мухавецкой средней школе, куда он придет преподавать в 70-х. И встретит со своей верной половиной более четырех десятков лет. В этом счастливом союзе родится сын Иван. Он так же, как и родители, станет преподавать в местной школе. Будет вести уроки физкультуры и тренировать детей, а позже подарит отцу замечательную внучку, «чкаленка» Валерию.

Кстати, нынешний год для семьи Филатовых является юбилейным не только в связи с именинами главы семьи. Если сложить юбилейный день рождения его и супруги, сына и внучки, то получится круглая цифра в 210 лет. С такой достойной датой и поздравляем Леонида Георгиевича!

Прырыцкі край — жыцця выток,
Радзімы любае куток!
Тут акрыяў, у палёт узняўся,
За хлеб і ласку дзякуй шчырае сказаў
І назаўжды застаўся...

Наталья ТОЛКАЧЕВА